

**«АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ ЖӘНЕ ТИІМДІ СОТ ТӨРЕЛІГІ:
ҰЛТТЫҚ ДӘСТҮРЛЕР МЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАРДЫҢ
ТЕҢГЕРІМІ»**

Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің 10 жылдығына арналған Түркі сот-құқықтық даярлық желісі аясындағы Халықаралық форумның материалдар жинағы

**«ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЭФФЕКТИВНОЕ ПРАВОСУДИЕ:
БАЛАНС НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
СТАНДАРТОВ»**

Сборник материалов Международного форума в рамках Тюркской сети судебно-правовой подготовки, приуроченного к 10-летию Высшего Судебного Совета Республики Казахстан

Астана, 2026

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ЖОҒАРЫ СОТ КЕҢЕСІНІҢ
ЖАНЫНДАҒЫ СОТ ТӨРЕЛІГІ АКАДЕМИЯСЫ

АКАДЕМИЯ ПРАВОСУДИЯ ПРИ ВЫСШЕМ СУДЕБНОМ СОВЕТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**«АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ ЖӘНЕ ТИІМДІ СОТ
ТӨРЕЛІГІ: ҰЛТТЫҚ ДӘСТҮРЛЕР МЕН
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАРДЫҢ ТЕҢГЕРІМІ»**

Түркі сот-құқықтық даярлық желісі аясындағы
Халықаралық форумның материалдар жинағы

(2025 ж. 10-11 желтоқсан, Астана қ.)

**«ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЭФФЕКТИВНОЕ
ПРАВОСУДИЕ: БАЛАНС НАЦИОНАЛЬНЫХ
ТРАДИЦИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ»**

Сборник материалов Международного форума
в рамках Тюркской сети судебно-правовой подготовки

(10-11 декабря 2025 г., г. Астана)

Астана, 2026

УДК 341.231.14:347.9
ББК 67.911.11+67.7
А24

Редакциялық алқа:

К.К. Мусин (жауапты редактор), Е.О. Егембердиев, Т.С. Нурышева, Б.Р. Сембекова

*Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің жанындағы Сот төрелігі академиясы Ғылыми Кеңесінің
2026 жылғы 02 ақпандағы № 6 шешімімен мақұлданды*

*Рекомендовано решением Ученого Совета Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики
Казахстан № 6 от 02 февраля 2026 года*

ISBN 978-601-08-5857-2

А24 «Адам құқықтарын қорғау және тиімді сот төрелігі: ұлттық дәстүрлер мен халықаралық стандарттардың теңгерімі»: Түркі сот-құқықтық даярлық желісі аясындағы Халықаралық форумның материалдар жинағы. – Астана: Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің жанындағы Сот төрелігі академиясы, 2026. – 105 б.

«Защита прав человека и эффективное правосудие: баланс национальных традиций и международных стандартов»: Сборник материалов Международного форума в рамках Тюркской сети судебно-правовой подготовки. – Астана: Академия правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан, 2026. – 105 с.

Жинақ Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің жанындағы Сот төрелігі академиясы өткізген аттас форум материалдары негізінде дайындалды.

Жинаққа Әзірбайжан, Қазақстан, Қырғызстан, Түркия, Өзбекстанның жетекші ғалымдарының, сондай-ақ, сот жүйесінің және құқыққорғау саласының кадрларын даярлаумен айналысатын оқу орындары өкілдерінің баяндамалары енгізілген.

Басылым ғылыми қызметкерлерге, оқытушыларға, докторанттарға, магистранттар мен студенттерге арналған.

Материалдар авторлардың редакциясымен жарияланады және түзетуге жатпайды. Ұсынылған материалдардың шынайылығы мен дұрыстығы үшін жауапкершілік авторларға жүктеледі.

Сборник подготовлен на основе материалов одноименного форума, проведенного Академией правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан.

В сборник вошли выступления на форуме ведущих ученых и представителей образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров судебной системы и правоохранительной сферы из Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции, Узбекистана.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, докторантам, магистрантам и студентам.

Материалы публикуются в авторской редакции и коррективке не подлежат. Ответственность за достоверность и корректность представленных материалов несут авторы.

ISBN 978-601-08-5857-2

УДК 341.231.14:347.9
ББК 67.911.11+67.7

© Қазақстан Республикасы
Жоғары Сот Кеңесінің жанындағы
Сот төрелігі академиясы, 2026

**Приветственное слово
Председателя Высшего Судебного Совета
Республики Казахстан
Д.М. Малахова**

Құрметті қонақтар!

Для меня большая честь приветствовать вас в Астане в преддверии празднования Дня Независимости Казахстана на Международном форуме Тюркской сети судебно-правовой подготовки, посвященном теме, имеющей ключевое значение для современного государства, – защите прав человека и укреплению справедливого, эффективного правосудия.

Сегодняшнее мероприятие проходит в важный для нас период в канун 10-летия Высшего Судебного Совета Республики Казахстан.

Высший Судебный Совет был образован Законом Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года как орган, обеспечивающий конституционные полномочия Президента Республики Казахстан по формированию судов, гарантий независимости судей и их неприкосновенности. Это десятилетие стало временем глубоких институциональных преобразований. Совершенствовались механизмы отбора и аттестации судей, внедрялись новые стандарты транспарентности, укреплялось доверие общества к судебной власти. Последовательность этих реформ позволила нам сформировать современную модель судебной кадровой политики.

В своем последнем Послании народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» Глава государства Касым-Жомарт Токаев подчеркнул, что все назначения следует осуществлять с учетом профессиональных и моральных качеств кандидатов, а также их результативности на предыдущих должностях. Во исполнение поручений Президента страны в целях формирования качественного состава судей Высший Судебный Совет будет продолжать работу, основанную на тщательном и объективном отборе кандидатов в судьи.

Особое значение наш форум приобретает в контексте международного сотрудничества, начатого 20 декабря 2022 года в Стамбуле, когда был подписан Меморандум о взаимопонимании между образовательными учреждениями по подготовке судей и прокуроров государств – членов Организации тюркских государств. На его основе была создана Тюркская сеть судебно-правовой подготовки, ставшая платформой обмена знаниями, опытом и передовыми методиками обучения.

За прошедшие три года Сеть показала свою эффективность в деле подготовки кадров для судебной системы и органов прокуратуры, а также укрепления профессионального взаимодействия между государствами.

Важным этапом развития национальной судебной системы Казахстана стала передача 15 июля 2024 года Академии правосудия в ведение Высшего Судебного Совета. Это решение объединило процедуры отбора судей и специализированную подготовку кадров для судебной системы в единую институциональную структуру. Теперь Совет определяет стратегию подготовки судей с учетом поручений Главы государства и текущих потребностей судебной системы. Такой подход позволяет выстраивать систему профессионального развития судей, напрямую связанную с актуальными вопросами судебной практики.

Сегодняшний форум собрал представителей Турции, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана международных организаций и экспертного сообщества. Это свидетельствует о высокой значимости сотрудничества в рамках Тюркской сети и о нашем общем стремлении совершенствовать стандарты правосудия.

Тема форума – «Защита прав человека и эффективное правосудие: баланс национальных традиций и международных стандартов» – отражает одну из центральных задач судебных систем и органов прокуратуры наших стран. В условиях цифровизации, трансформации общественных отношений и роста требований к открытости правосудия особенно важно обеспечивать гармонизацию подходов, соединяющих ценность правового наследия с требованиями международных норм.

Диалог в рамках форума позволит не только обменяться опытом, но и совместно определить направления развития судебно-правовой подготовки, укрепить взаимодействие академий и исследовательских центров, а также наметить новые проекты, включая развитие цифровых компетенций, повышение качества обучения и создание общих образовательных модулей.

Позвольте выразить искреннюю благодарность чрезвычайным и полномочным послам, представителям государственных органов Республики Казахстан, международным экспертам и коллегам из тюркских стран за то, что приняли наше приглашение принять участие в Форуме.

Уважаемые коллеги!

Мы вступаем в новый этап развития судебных систем и прокуратуры тюркских государств. Перед нами открываются возможности укреплять доверие между институтами, совершенствовать механизмы защиты прав человека и формировать правовую среду, основанную на верховенстве закона и уважении к справедливости.

Уверен, что результаты форума станут основой для дальнейшего углубления сотрудничества и воплощения совместных инициатив.

Л.С. Жакаева

ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В современной юридической науке постсоветского пространства сформировалось понятие правового принципа в качестве дефиниции, отражающей основы функционирования правовой системы страны, а также сложились различные научные представления о системе принципов и их содержании. Тем не менее вопросы понимания правовых принципов, их видов, содержания, а также форм практической реализации в различных отраслевых сферах общественных отношений остаются предметом научных изысканий при наличии достаточно развитой теоретической базы учения о правовых принципах, но в условиях весьма динамичного законодательства.

Значительное влияние на теоретические позиции относительно системы, структуры и видовой классификации отраслевых принципов правовой системы Казахстана оказало принятие Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан (*далее – АППК*)¹.

Анализ норм АППК свидетельствует о том, что в настоящее время в сфере административных процедурно – процессуальных отношений действует комплекс правовых принципов, состоящих из трех групп.

Первая группа – это базовые принципы общего назначения, которые действуют как в сфере административных процедур, так и административного судопроизводства. К ним относятся принципы законности (ст.7), справедливости (ст.8), а также защиты прав, свобод и законных интересов (ст.9).

Вторая группа принципов представлена принципами административного процесса (судопроизводства), в их числе: активная роль суда (ст.16), разумный срок административного судопроизводства (ст.17), обязательность судебных актов (ст.18).

И, третью, наиболее многочисленную группу принципов административной процедуры, составляют такие принципы, как соразмерность (ст.10), пределы осуществления административного усмотрения (ст.11), принцип приоритета прав (ст.12), охрана права на доверие (ст.13), запрет злоупотребления формальными требованиями (ст.14), презумпция достоверности (ст.15), единообразие административных процедур и административных актов (ст. 15-1).

Существенное влияние на структуру и особенности функционирования правовых принципов в Казахстане оказали ранее неизвестные теории и практике правоприменения в управленческой сфере принципы административной процедуры, которые в определенной мере стали

¹ Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2025 г.)// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264

конкурировать с базовыми и достаточно устоявшимися принципами функционирования государственных органов и иных субъектов правовых отношений. Речь идет, в частности, о совместимости принципа законности, который в силу конституционного уровня регулирования, распространяет свое действие на деятельность всех, без исключения, органов государственной власти и иных субъектов, а также принципа охраны права на доверие, который действует лишь в сфере административной процедуры.

Суть принципа охраны права на доверие заключается в том, что законодатель защищает доверие заявителя к административному органу, который может претерпеть негативные последствия от последующего установления незаконности благоприятного для него административного акта.

В условиях действия фундаментального по характеру принципа законности части 6 и 7 статьи 84 АППК устанавливаются, что в интересах охраны права на доверие заявителя принятый административным органом незаконный, но благоприятный административный акт может быть отменен лишь в случаях, если:

правовой акт, на основании которого был вынесен административный акт, признан неконституционным;

установлена заведомая недостоверность документа либо сведений, представленных участником административных процедур;

административный акт принят в результате совершения участником административной процедуры противоправных действий, установленных вступившими в законную силу приговором или постановлением суда, постановлением прокурора, органа уголовного преследования, органа (должностного лица), уполномоченного рассматривать дела об административных правонарушениях;

административный акт затрагивает государственные или общественные интересы, безопасность государства либо может привести к тяжким необратимым последствиям для жизни, здоровья людей.

Сложилась ситуация, при которой принцип охраны права на доверие, имеющий ограниченную институциональную направленность, поскольку действует только в сфере административной процедуры, практически сузил сферу действия конституционного (фундаментального) принципа законности и таким образом существенно подкорректировал его содержание.

Как следствие, законность – это уже, не тотальная (всех без исключения лиц и органов) обязанность соблюдать законы и иные нормативные правовые акты, кроме того, законность – это уже не обязанность соблюдать законы, поскольку незаконный административный акт в некоторых, установленных АППК, случаях не подлежит обязательной отмене.

В итоге, если в административном судопроизводстве незаконный судебный акт подлежит обязательной отмене, то в административной процедуре незаконный акт административных органов имеет право на существование в связи с действием принципа охраны права на доверие.

Таким образом, заявитель «доверился» административному органу, обратившись к нему за разрешением правовой ситуации, связанной с реализацией его прав, свобод и законных интересов, который, в свою очередь, принял благоприятный для заявителя административный акт, но если будет установлено, что этот административный акт является (оказался) незаконным, он может быть отменен только в определенных случаях.

Исходя из изложенного мы можем констатировать наличие неоднозначного подхода законодателя к толкованию принципа законности, ибо в одном случае (в судопроизводстве) требуется безоговорочная законность судебных актов, а в другом случае (в административной процедуре) – избирательная или усеченная законность, которая фактически выражается в праве административных органов принимать незаконные административные акты, отмена которых обусловлена лишь отдельными обстоятельствами.

Явное несоответствие в понимании содержания принципа законности обнаруживается и в нормах АППК, характеризующих последствия нарушения принципов административной процедуры и административного судопроизводства, причем всех и (или) любого из них.

Так, согласно части 4 статьи 6 АППК *«нарушение принципов административных процедур и административного судопроизводства в зависимости от его характера и существенности влечет признание административных актов, административных действий (бездействия) незаконными, а также отмену вынесенных судебных актов»*.

Из данной формулировки следует, что последствия нарушения принципов административного судопроизводства определены однозначно и предельно ясно, они влекут отмену судебных актов, а результатом нарушения принципов административной процедуры является лишь признание административных актов (действий, бездействия) незаконными. И, как следует из статьи 84 АППК в части характеристики принципа охраны права на доверие, незаконный благоприятный административный акт может быть отменен только в некоторых случаях, при этом законодатель указывает, что положения вышеназванных норм (ч.4 статьи 6 АППК) распространяются на все принципы административной процедуры, без каких – либо уточнений.

По существу в указанных нормах АППК отрицается действие принципа законности в административной процедуре, поскольку нарушение принципов в этой сфере правоприменения завершается признанием незаконности акта, а не его отменой, что на наш взгляд, весьма сомнительно, как с точки зрения общеизвестных постулатов правового государства, провозглашающих верховенство права и закона, так и с позиции признания законодателем законности в качестве всеобщего, в том числе для административной процедуры и административного судопроизводства, принципа.

Следует в этой связи обратить внимание на то, что внедрение в практику деятельности административных органов принципа охраны права на доверие привело к изменению регламентации содержания принципа законности.

В соответствии с АППК *административный орган, должностное лицо осуществляют административные процедуры в пределах своей компетенции и в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, настоящим Кодексом и иными нормативными правовыми актами Республики Казахстан, а суд при рассмотрении и разрешении административных дел обязан точно соблюдать требования Конституции Республики Казахстан, конституционных законов, настоящего Кодекса, других нормативных правовых актов, подлежащих применению международных договоров Республики Казахстан» (части 1 и 2 статьи 7).*

Очевидно, что содержание принципа законности, указанное в первом случае, не соответствует его общепринятому пониманию в общетеоретической науке и отечественном законодательстве, где законность определяется как обязанность, а не возможность (или право) соблюдения и исполнения норм законодательства всеми субъектами правовых отношений.

Практически в АППК суть законности представлена в двух вариантах. Применительно к судам используется классическое определение или представление о содержании законности – это обязанность строго и точно соблюдать требования законодательства, а применительно к административным органам (их должностным лицам) – согласно повествовательному стилю изложения нормы содержится по существу рекомендация административным органам придерживаться законности «в пределах своей компетенции».

Речь идет об ограничении действия принципа законности в некоторых сферах общественных отношений, и об этом следовало бы прямо указать в вышеназванной статье 7 АППК «Принцип законности», сославшись на принцип охраны права на доверие. Однако в этом случае законодателю пришлось бы признать приоритет институционального над всеобщим (надотраслевым) правовым принципом, что недопустимо.

Примечательно, что, несмотря на разграничение принципов административной процедуры и административного судопроизводства, в части определения принципа охраны права на доверие и принципа законности, суды вынуждены признавать приоритет принципа административной процедуры и в обоснование судебных актов по искам об обжаловании решений административных органов нередко ссылаются на принцип охраны права на доверие, а не законность, что подтверждает наличие конкуренции рассматриваемых принципов, которая разрешается не в пользу конституционного (базового) правового принципа.

Таким образом, сложилась парадоксальная правовая ситуация, когда суды обязаны руководствоваться в своей деятельности принципом законности и одновременно не соблюдать этот принцип в его исконном понимании при рассмотрении административных дел в рамках осуществленной административными органами процедуры.

Следует подчеркнуть, что принцип законности, с точки зрения юридической науки и практики, имеет приоритетное значение в процессе формирования и развития правовой системы, его действие заключается именно

в точном и неукоснительном соблюдении и исполнении предписаний юридических норм². В этом заключается залог стабильности и предсказуемости практики правоприменения в любой сфере общественных отношений.

Напомним в этой связи, что принцип законности в нашей стране имеет конституционный статус, поскольку Конституция РК устанавливает, что Республика Казахстан утверждает себя правовым государством (п.1 ст.1), государственная власть в Республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов (п. 4 ст.3). Особое значение принципу законности придается в таких сферах осуществления государственных функций, как судопроизводство и прокурорский надзор: судья при отправлении правосудия независим и подчиняется только Конституции и закону (п.1 ст.77), на органы прокуратуры возложен высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан (п.1 ст.83)

Как известно, один из аспектов законности в системе верховенства права выражается в верховенстве закона, что предполагает обязательную определенность, точность и ясность содержащихся в нем норм и не допускает возможности их различного толкования, в том числе при изложении сущности и смысла правовых принципов.

² См. подробнее: Аверьянова О.В. Понятие законности и система средств обеспечения законности в государственном управлении// <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-zakonnosti-i-sistema-sredstv-obespecheniya-zakonnosti-v-gosudarstvennom-upravlenii/viewer>.

Ш.Ё. Абдукодиров

ПОДГОТОВКА СУДЕБНЫХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Реформирование кадровой подготовки судебной системы является центральным элементом судебно-правовой трансформации, осуществляемой в Республике Узбекистан под руководством Президента Республики Узбекистан. Уделяя приоритетное внимание профессиональному уровню и компетенциям судейского корпуса, государство формирует современную, устойчивую и эффективную модель профессионального обучения судей, основанную на принципах независимости судебной власти и высокой ответственности перед обществом.

В последние годы в стране реализуется последовательная судебно-правовая реформа, направленная на обеспечение независимости суда, повышение доверия общества к судебной системе и укрепление гарантий прав и свобод человека. Логическим продолжением указанных реформ стало принятие 21 августа 2025 года Указа Президента Республики Узбекистан № 141 «О мерах по коренному совершенствованию системы подготовки высококвалифицированных кадров в сфере правосудия».

Указ Президента Республики Узбекистан № 141 стал ключевым нормативным актом, заложившим основы принципиально новой системы профессиональной подготовки будущих судей. Документ ориентирован на внедрение международных стандартов, а также на интеграцию образования, науки и практической деятельности в сфере правосудия.

В соответствии с положениями Указа на базе Высшей школы судей была создана Академия правосудия Республики Узбекистан – специализированное государственное образовательное и научно-исследовательское учреждение, действующее при Высшем судебном совете Республики Узбекистан. Академия наделена статусом юридического лица и призвана стать ключевым центром подготовки профессионального судейского корпуса страны.

Создание Академии правосудия стало подтверждением стремления Республики Узбекистан к институциональному укреплению судебной власти и последовательному внедрению международных стандартов судебного образования.

В учебный процесс Академии правосудия поэтапно интегрируются зарубежные образовательные модули, совместные курсы и программы академического обмена, направленные на унификацию профессиональных подходов и укрепление международного сотрудничества.

В системе подготовки внедрён принцип «будущего судью обучает действующий судья», основанный на традиции наставничества «устоз – шогирд». К преподавательской деятельности привлекаются опытные судьи, обладающие высокими профессиональными и нравственными качествами, при

сохранении ими статуса судьи и возможности возвращения к судебной деятельности. Такой подход обеспечивает прямую передачу практических навыков и формирование у слушателей устойчивого профессионального мировоззрения.

Особое внимание уделяется формированию высоких этических стандартов поведения судьи. Одновременно осуществляется обучение современным цифровым инструментам судопроизводства, включая электронное правосудие и аналитические платформы, что способствует повышению эффективности и открытости судебной системы.

С 1 октября профессиональная подготовка кандидатов на должности судей осуществляется в рамках шестимесячных курсов профессиональной переподготовки на государственном гранте. Отбор кандидатов проводится на основе комплексной системы, включающей:

оценку безупречной репутации, честности и профессиональной пригодности кандидатов; тестирование;

письменный экзамен и индивидуальное собеседование межведомственной комиссии.

Учебный процесс полностью перестроен на дуальную модель «теория – практика – имитация». В её рамках слушатели участвуют в деятельности правоохранительных органов, адвокатуры и судебно – экспертных учреждений, внедрены виртуальные суды, позволяющие наблюдать судебные процессы в реальном времени, а также моделируются ситуации, максимально приближённые к реальной судебной деятельности. Применение данной модели обеспечивает получение глубоких теоретических знаний и формирование устойчивых практических навыков.

Впервые в истории судебной системы Республики Узбекистан установлен чёткий график обязательного периодического повышения квалификации судей. Судьи, назначенные на пятилетний срок, проходят повышение квалификации один раз в два года не менее чем на две недели; судьи, назначенные на десятилетний срок, – один раз в три года; судьи Верховного суда, председатели судов и судьи с бессрочным сроком полномочий – один раз в три года не менее чем на одну неделю.

Судьи с низкими показателями эффективности направляются на внеочередное повышение квалификации. Сотрудники аппарата судов проходят обучение не реже одного раза в два года, что обеспечивает постоянное обновление знаний и повышение качества судейской деятельности.

Для судей, включённых в резерв на руководящие должности районных, городских и областных судов, предусмотрено прохождение двухмесячных курсов переподготовки руководящих кадров. Назначение на руководящие должности осуществляется, как правило, только после успешного завершения указанных курсов.

С 2026/2027 учебного года в Академии правосудия запускается программа практической магистратуры по специальности «Судебная деятельность», реализуемая в дневной и вечерней формах обучения. Введение данной

программы расширяет возможности профессионального юридического сообщества и формирует дополнительный кадровый резерв судебной системы.

В рамках профессиональной переподготовки будущих судей предусмотрены существенные меры социальной поддержки. За слушателями сохраняется занимаемая должность по основному месту работы, а также выплачивается ежемесячная стипендия в размере должностного оклада помощника судьи. Одновременно установлены строгие требования ответственности: лица, не прошедшие итоговую аттестацию либо отказавшиеся от предложенной судебской должности, обязаны возратить полученную стипендию в бюджет.

Указ Президента Республики Узбекистан № 141 обозначил новый этап совершенствования судебно-правовых институтов страны и направлен на формирование профессионального, независимого и честного судебского корпуса, владеющего современными технологиями и методами судопроизводства. Реализация данных мер способствует укреплению доверия общества к судебной системе, обеспечению защиты прав граждан и утверждению принципов справедливости.

Академия правосудия Республики Узбекистан открыта для международного сотрудничества, обмена опытом, совместных научных исследований и программ повышения квалификации. Особое значение придаётся развитию партнёрства с Академией правосудия Республики Казахстан, а также взаимодействию в рамках Тюркской сети подготовки судебно-правовых кадров как платформы многостороннего профессионального диалога и обмена лучшими практиками.

К.К. Мусин, Т.С. Нұрышева

ЖОҒАРЫ СОТ КЕҢЕСТЕРІНІҢ ШЕШІМДЕРІ НЕГІЗІНДЕ СУДЬЯЛАРДЫ ТАҒАЙЫНДАУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕСІ

(ЖАҚЫН ЖӘНЕ АЛЫС ШЕТЕЛДЕРДІҢ МЫСАЛЫНДА)

Судьяларды іріктеу және тағайындау қазіргі заманғы мемлекеттің сот жүйесінің негізгі элементтері болып табылады, өйткені жоғары зияткерлік және жоғары адамгершілік қасиеттерге ие судьялар корпусын қалыптастыру олардың тәуелсіздігін, жауапкершілігін және кәсібилігін қамтамасыз етудің қажетті шарты болып саналады.

Судьяларды іріктеу рәсімдерінің ашықтығы мен сапасы сот жүйесіне, сондай-ақ судьялық лауазымдарға іріктеу және ұсыну процесіне жауапты органдарға ғана емес, жалпы мемлекетке деген қоғам сенімін нығайтуда маңызды рөл атқарады.

Қазіргі заман шындығы көптеген мемлекеттердің конституцияларында көзделген судьялар корпусын қалыптастыру жөніндегі дербес органдарды құру қажеттілігін айқындады.

Бұл органдар әртүрлі атауларға ие: Францияда, Молдовада, Португалияда, Италияда – Жоғары магистратура кеңесі; Испанияда – Сот билігінің бас кеңесі; Арменияда, Болгарияда және Қазақстанда – Жоғары Сот Кеңесі; Өзбекстан Республикасында – Жоғары судьялар кеңесі; Грузияда – Жоғары әділет кеңесі және т.б.

Бұл органдардың міндеті – судьялар қауымдастығының мүдделерін білдіру және қорғау, кадрлық мәселелерді шешу немесе оларды шешуге қатысу. Жоғарыда аталған органдардың барлығы шамамен бірдей функцияларды орындайды. Олардың негізгі мақсаты – судьялар корпусын қалыптастыруға қатысу. Сондықтан кеңестердің барлығы дерлік судьяларды тағайындау, қызметіне кірістіру, ауыстыру және қызметі бойынша жоғарылату мәселелерін белгілі бір дәрежеде шешу құзыретіне ие.

Мақалада шетелдік тәжірибедегі жоғары сот кеңестерінің қағидаттары мен рөлі, судьяларды тағайындау рәсімдерінің халықаралық стандарттары, сондай-ақ судьяларды тағайындау сот кеңесі немесе оның баламалы органдары арқылы жүзеге асырылатын жақын және алыс шетел елдерінің тәжірибесі қарастырылады.

Жоғары сот кеңестерінің (немесе олардың баламалы органдары) қағидаттары мен рөлі. Судьяларды тағайындау рәсімдерінің халықаралық стандарттарына тоқталып өтсек.

Жоғары сот кеңестері судьяларды тағайындау кезінде объективтілік пен әділдікті қамтамасыз ету мақсатында құрылады. Олардың құзыретіне тек тағайындау ғана емес, сонымен қатар судьялардың қызметін бағалау, тәртіптік жауапкершілігі мәселелері, сондай-ақ сот жүйесін жетілдіру жөніндегі ұсынымдар беру кіреді.

Мұндай органдардың рөлі – сот билігінің тәуелсіздігін қамтамасыз ету, саяси араласуды барынша азайту және сот жүйесінде жоғары кәсібилік деңгейіне кепілдік беру болып табылады.

Аталған мәселе бойынша сот кеңестерінің функцияларын айқындауда бірыңғай тәсіл қалыптаспаған.

Еуропалық судьялардың консультативтік кеңесі (бұдан әрі – ЕСКК) «сот кеңестері сот жүйесінің тәуелсіздігін және сот төрелігінің тиімділігін неғұрлым жақсы қорғау және ілгерілету үшін өзара байланысты құзыреттерге қатысты кең ауқымды рөл атқаруы тиіс» деп санайды (ЕСКК-нің 2007 жылғы № 10 «Қоғам қызметіндегі судьялар кеңесі туралы» Қорытындысының (бұдан әрі – Қорытынды) 41-тармағы).

ЕСКК өзінің № 10 Қорытындысында судьялар кеңестеріне тән деп саналуы мүмкін бірқатар өкілеттіктерді атап көрсетеді, атап айтқанда: судьяларды іріктеу және тағайындау, қызмет бойынша жоғарылату, судьяларды бағалау және оқыту, тәртіптік және этикалық мәселелер, жеке бюджетті бақылау және жүргізу, соттарды басқару, судьялардың беделін қорғау, мемлекеттік басқа органдарға консультация беру, ұлттық, еуропалық және халықаралық деңгейде тиісті органдармен ынтымақтастық, қоғам алдындағы жауапкершілік: ашықтық, есептілік және айқындық.

Шығыс Еуропада, Оңтүстік Кавказда және Орталық Азияда сот жүйесінің тәуелсіздігі туралы Еуропадағы қауіпсіздік және ынтымақтастық ұйымы/Демократиялық институттар және адам құқықтары жөніндегі бюро Киев ұсынымдарында «өкілеттіктердің бір сот органының қолында шамадан тыс шоғырлануын болдырмау, сондай-ақ корпоративизм көрінісін туындатпау мақсатында әртүрлі өкілеттіктердің аражігін ажырату ұсынылады, оның ішінде судьяларды іріктеу, қызмет бойынша жоғарылату және оқыту, тәртіптік ықпал ету шаралары, кәсіби қызметін бағалау және бюджет мәселелері бойынша. Ұстанымдардың бірі – соттарды басқарудың нақты мәселелеріне жауапты бірнеше тәуелсіз органдар құру, олар бір институттың немесе уәкілетті құрылымның бақылауында болмауы тиіс. Бұл органдардың құрамы олардың алдына қойылған мақсаттарға сай болуы қажет. Мұндай органдардың қызметі атқарушы билік актілерімен емес, заң деңгейінде айқындалуы тиіс» (2-тармақ) деп көрсетілген.

Бұл ұстанымды Венециандық комиссия да қолдайды. Ол судьяларды тағайындаудағы негізгі рөл сот басқару органына тиесілі болуы қажет екенін және бұл орган тағайындауларға қатысты тәуелсіз шешімдер қабылдауға құзыретті болуы тиіс екенін атап көрсетті.

Киев ұсынымдарында мемлекет Президентінің тағайындау үдерістеріне қатысуы Жоғары сот кеңесі ұсынған кандидаттарға тек рәсімдік негіздер бойынша бас тартумен шектелуі тиіс және мұндай бас тарту уәжді болуы қажет екені көзделген. Жоғары сот кеңесі Президенттің тағайындаудан бас тартуын оның алдыңғы шешімін қайта қарағаннан кейін білікті көпшілік дауыспен еңсеру мүмкіндігіне ие болуы тиіс (23-тармақ).

Судьяларды тағайындау тәртібі тұрғысынан алғанда, халықаралық стандарттар рәсімдердің ұлттық жүйеге байланысты әртүрлі болуы мүмкін екенін мойындайды. Халықаралық стандарттар нақты бір рәсімді қолдануды міндеттемейді, алайда ұлттық құқықтық жүйелер тағайындалатын судьялардың институционалдық та, жеке де тәуелсіздігін, сондай-ақ олардың объективті және субъективті бейтараптығын қамтамасыз етуге кепілдік беруі тиіс.

Судьялық лауазымдарға тағайындауды жүзеге асыратын органдардың құрылымы мен құрамы сенімді әрі тиімді рәсімді қамтамасыз ету үшін аса маңызды. Сондықтан халықаралық стандарттар судьялар атқарушы және заң шығарушы биліктен тәуелсіз, негізінен судьялар мен заңгерлік кәсіп өкілдерінен құралған және ашық рәсімдерді қолданатын органдар арқылы тағайындалуы тиіс екенін көздейді. Судьяларды тағайындауды жүзеге асыратын органның тәуелсіздігін қамтамасыз ету үшін оның мүшелерінің елеулі бөлігі судьялар тарапынан өз қатарынан сайлануы қажет.

Судьялардың мәртебесі туралы еуропалық хартия судьяларды іріктеу, тағайындау немесе қызмет бойынша жоғарылату туралы шешімдер қабылдау кезінде «атқарушы және заң шығарушы биліктен тәуелсіз, кемінде жартысы судьялардан тұратын және судьялардың барынша кең өкілдігін қамтамасыз ететін тәртіппен судьялардың өздері сайлаған органның қатысуын» көздейді (1.3-тармақ).

Сонымен бірге халықаралық стандарттар судьяларды тағайындау жөніндегі формалды өкілеттіктерді үкіметке немесе мемлекет басшысына беруге жол береді. Алайда мұндай тағайындау рәсімінің заңдылығы тәуелсіздік кепілдіктерінің жеткілікті дәрежеде сақталуына байланысты болады.

Еуропа Кеңесі министрлер Комитетінің CM/Res(2010)12 ұсынымы (бұдан әрі – Ұсыным) мынаны белгілейді: «Егер заңнамада судьяларды іріктеу және қызмет бойынша жоғарылату туралы шешімді мемлекет басшысы, үкімет немесе заң шығарушы орган қабылдайды деп көзделсе, негізінен сот билігі өкілдерінен тұратын тәуелсіз әрі құзыретті органға ұсынымдар беру және қорытындылар шығару өкілеттігі берілуі тиіс, ал судьяларды тағайындауды жүзеге асыратын құзыретті орган іс жүзінде сол ұсынымдар мен қорытындыларды басшылыққа алуы қажет» (47-тармақ).

Ашықтық мәселесіне қатысты осы Ұсынымда: «Аталған тәуелсіз орган қолданатын рәсімдер ашық болуы тиіс, ал кандидаттардың талабы бойынша оларға қабылданған шешімнің негіздері хабарлануы қажет. Іріктеуден өтпеген кандидат шешімге немесе кем дегенде сол шешім қабылданған рәсімге шағым жасау құқығына ие болуы тиіс» (48-тармақ) деп белгіленген.

Судьяларды тағайындауға уәкілетті немесе оларды тағайындауға қатысатын шетелдік сот кеңестерінің жұмыс істеу практикасына қысқаша шолу жасайық.

Таяу шетел елдеріндегі судьяларды тағайындау (сайлау) практикасын қарастыратын болсақ, посткеңестік кеңістіктегі елдерде қолданыстағы құқықтық дәстүрлер мен судьялар корпусын қалыптастыру моделін анықтаудағы тәсілдерді ескере отырып, судьяларды тағайындаудың

(сайлаудың) түрлі практикасы қалыптасқанын байқаймыз (Мақаланың қосымшасын қараңыз).

Елдердің көпшілігінде (Армения, Әзербайжан, Беларусь, Қырғызстан, Молдова, Ресей, Тәжікстан, Эстония) жоғары сот органының судьяларын (төрағасын) жоғары өкілді орган, ал өңірлік және жергілікті соттардың судьяларын мемлекет басшысы тағайындайды.

Барлық деңгейдегі соттардың судьяларын тек бір ғана мемлекеттік органның (лауазымды тұлғаның) тағайындау практикасы бар: Түрікменстанда және Украинада – Президент, Латвияда – Сейм тағайындайды.

Посткеңестік кеңістіктегі көптеген елдерде судьялар корпусын қалыптастырудың әртүрлі модельдеріне қарамастан, судьялық лауазымдарға кандидаттарды іріктеуге қандай да бір дәрежеде сот кеңесі (немесе оның аналогы) қатысады: Жоғары сот кеңесі (Армения), Сот-құқықтық кеңес (Әзербайжан), Сот істері жөніндегі кеңес (Қырғызстан), Магистратураның жоғары кеңесі (Молдова), Судьялардың біліктілік алқасы (Түрікменстан), Сот төрелігінің жоғары кеңесі (Украина).

Тек Грузияда мен Өзбекстан ғана, Жоғарғы сот судьяларын қоспағанда, басқа деңгейдегі соттардың судьяларын тікелей сот кеңесі (немесе оның аналогы) тағайындайды.

Грузия

Грузияның 2009 жылғы 4 желтоқсандағы «Жалпы соттар туралы» Органикалық заңына сәйкес, Грузияның Жоғары әділет кеңесі басқа да функциялармен қатар Грузияның жалпы соттарының судьяларын (Жоғарғы соттың Төрағасы мен мүшелерін қоспағанда) лауазымға тағайындайды және лауазымынан босатады, біліктілік емтихан комиссиясының құрамын анықтайды, апелляциялық сот пен аудандық (қалалық) сот судьяларының мамандануын белгілейді, Грузия Жоғары әділет кеңесі Аппаратының штаттық кестесі мен штаттық құрамын бекітеді, Грузия Жоғары әділет кеңесі мүшесінің еңбекақысын, Грузия Жоғары әділет кеңесінің лауазымды тұлғалары мен қосалқы персоналының еңбекақысы мен лауазымдарын, сондай-ақ Грузияның жалпы соттары (Жоғарғы сотты қоспағанда) әкімшілік аппаратының құрылымы мен санын айқындайды.

Грузияның «Жалпы соттар туралы» Органикалық заңының 36-бабына сәйкес, Жоғарғы соттың Төрағасы мен мүшелерін Грузия Президентінің ұсынымы бойынша Грузия Парламенті тізімдік құрамның көпшілік дауысымен 10 жыл мерзімге сайлайды.

Жоғарғы сот Төрағасы Грузия Президентіне Жоғарғы сот судьясы лауазымына сайлау үшін кандидатура ұсынуға құқылы, ал Грузия Президенті Грузия Конституциясы мен осы Заңда көзделген талаптарға жауап беретін кез келген кандидатураны сайлау үшін Грузия Парламентіне ұсынуға уәкілетті.

Апелляциялық және аудандық (қалалық) соттардың судьяларын Грузияның Жоғары әділет кеңесі лауазымға тағайындайды (01.11.2013 ж. № 1489 өзгерістері бар Органикалық заң).

Апелляциялық және аудандық (қалалық) соттардың судьялары лауазымға 3 жылдық мерзімге тағайындалады. Көрсетілген мерзім аяқталуға дейін 2 айдан ерте емес және 1 айдан кешіктірмей, Грузияның Жоғары әділет кеңесі Органикалық заңның 36-бабының 4.4-тармағында көзделген бағалау нәтижелерін талдау негізінде мәселені талқылайды және аталған судьяны лауазымға мерзімсіз тағайындау туралы шешім қабылдайды.

«Грузияның Жоғары әділет кеңесі судьяны лауазымға мерзімсіз тағайындау туралы шешім қабылдаған жағдайда, судья заңда белгіленген жасқа толғанға дейін лауазымға мерзімсіз тағайындалады.

Егер Грузияның Жоғары әділет кеңесі судьяны лауазымға мерзімсіз тағайындау туралы шешім қабылдасамаса, Кеңес Органикалық заңның 36.7-бабының 4-тармағында белгіленген тәртіппен бос судьялық лауазымға конкурс жариялайды. Лауазымға мерзімсіз тағайындау туралы шешім қабылданбаған судьяның өкілеттігі лауазымда болудың 3 жылдық мерзімі аяқталғаннан кейін Органикалық заңда белгіленген тәртіппен тоқтатылады».

Өзбекстан

Өзбекстанда қызметі Өзбекстан Республикасының 2017 жылғы 6 сәуірдегі Заңымен реттелетін Жоғары судьялар кеңесі жұмыс істейді, оның негізгі міндеттері: ең білікті және жауапты мамандар арасынан конкурстық іріктеу, даярлау, судьялық лауазымдарға кандидаттарды тағайындау, сондай-ақ басшылық судьялық лауазымдарға ұсыну үшін ұсынымдар беру арқылы судьялар корпусын қалыптастыру болып табылады.

Аталған Заңның 7-бабына сәйкес (2021 жылғы 20 қыркүйектегі Заңының редакциясында) Кеңес өзіне жүктелген міндеттерді орындау үшін:

Өзбекстан Республикасы Жоғарғы сотының төрағасы, төраға орынбасарлары және судьялары лауазымдарына ұсынылатын кандидаттар бойынша Өзбекстан Республикасының Президентіне ұсыныстар енгізеді;

облыстық және Ташкент қалалық соттарының төрағалары мен төраға орынбасарлары, облыстар мен Ташкент қаласы әкімшілік соттарының төрағалары мен төраға орынбасарлары, Өзбекстан Республикасы Әскери сотының төрағасы мен төраға орынбасары лауазымдарына ұсынылатын кандидаттар бойынша Өзбекстан Республикасының Президентіне ұсынымдар енгізеді;

Облыстық және Ташкент қалалық соттарының судьяларын, ауданаралық, аудандық, қалалық соттардың төрағаларын, олардың орынбасарлары мен судьяларын, облыстар мен Ташкент қаласы әкімшілік соттарының судьяларын, ауданаралық әкімшілік соттардың төрағаларын, олардың орынбасарлары мен судьяларын, сондай-ақ Өзбекстан Республикасы Әскери сотының судьяларын, аумақтық әскери соттардың төрағаларын лауазымға тағайындайды.

Осылайша, Кеңес отырыстарында мынадай мәселелер бойынша шешімдер қабылдануы мүмкін: кандидаттың ұсынылған судьялық лауазымға сәйкестігі немесе сәйкес келмейтіндігі туралы, не болмаса кандидатқа қайта іріктеуге қатысуға рұқсат беру құқығын қалдыру туралы; судья лауазымына тағайындау,

ауыстыру туралы; судьяның өкілеттігін тоқтата тұру немесе мерзімінен бұрын тоқтату туралы және басқа да шешімдер.

Алыс шетелдердегі судьяларды тағайындау (сайлау) практикасы.

Шетелде судьяларды тағайындау және олардың лауазымын жоғарылату мәселелерінде айрықша немесе елеулі рөл атқаратын, атқарушы және заң шығарушы биліктен тәуелсіз арнайы орган құруға басымдық беру үрдісі күшейіп келеді.

Судьяларды (магистраттарды) тағайындауға ұсынудың түрлі рәсімдеріндегі мемлекеттік органдар арасындағы өкілеттіктердің бөлінісін талдау жоғары сот кеңестерінің (немесе олардың аналогтарының) мынадай түрлерін бөліп көрсетуге мүмкіндік береді:

судьяларды іріктеуде айрықша құзыретке ие органдар (Англия және Уэльс, Италия, Португалия, Түркия және т.б.);

осы процесте негізгі рөлді сақтай отырып, аталған құзыретті өзге органдармен бөлісетін органдар (Болгария, Андорра Кінәздігі, Сербия, Хорватия және т.б.);

судьяларды іріктеуде шектеулі құзыретке ғана ие органдар (Испания, Франция, АҚШ және т.б.).

Англия және Уэльс

Англия мен Уэльстегі Судьялар кеңесі басқа еуропалық елдердегі сот өзін-өзі басқару органдарынан айтарлықтай ерекшеленеді. Кеңес негізінен өкілді орган болып табылады, ал әдетте сот кеңестеріне тән басқа өкілеттіктер әртүрлі қатысушылар арасында бөлінген.

Судьяларды тағайындауды Судьяларды тағайындау жөніндегі комиссия (бұдан әрі – СТК) жүзеге асырады. Судьялар кеңесі бұл комиссияның тек үш мүшесін ғана тағайындай алады. СТК – бұл Англия мен Уэльстегі соттар мен трибуналдардағы, сондай-ақ бүкіл Ұлыбритания ауқымындағы юрисдикциясы бар кейбір трибуналдардағы судьялық лауазымдарға кандидаттарды іріктейтін тәуелсіз орган. СТК соттар мен трибуналдардағы барлық судьялық лауазымдарға, соның ішінде Жоғары сот судьясы мен жоғары тұрған трибунал судьясына іріктеу жүргізеді, сондай-ақ Лорд-бас судья сияқты басшылық лауазымдарға тағайындау үшін комиссиялар шақырады.

СТК 15 мүшеден тұрады, олар өз рөлін орындауына, мақсаттары мен міндеттеріне қол жеткізуіне, сондай-ақ кадрлық және басқа да ресурстардың тиімді әрі нәтижелі пайдаланылуына ықпал етуге жауапты. СТК төрағасы – кәсіби емес (заңгер емес) мүше. СТК-нің қалған 14 мүшесінің алтауы судьялар корпусының мүшесі (оның ішінде екі трибунал судьясы) болуы тиіс; екеуі кәсіби мүшелер (барристер, солиситор немесе Сот орындаушылары жоғары институтының қызметкері), бесеуі кәсіби емес мүшелер болуы керек, ал біреуі заңгерлік біліктілігі жоқ сот жүйесінің мүшесі болуы тиіс. СТК-нің он екі мүшесі, соның ішінде Төраға, ашық конкурс арқылы тағайындалады. Қалған үшеуі Судьялар кеңесімен (ол сот жүйесінің екі аға мүшесін таңдайды) немесе Трибунал судьяларының кеңесімен (ол трибуналдар жүйесінің бір аға мүшесін таңдайды) сайланады.

Италия

Италияда Конституцияның 104-бабына сәйкес, Магистратура кез келген биліктен автономды және тәуелсіз сословиені құрайды. Магистратура құрамына судьялар мен прокурорлар кіреді.

Сот иерархиясындағы жоғары конституциялық орган – Магистратураның жоғары кеңесі (бұдан әрі – МЖК) болып табылады, оның қызметі негізгі заңмен (104-108 баптар) және осы орган туралы 1958 жылғы 24 наурыздағы заңмен, сондай-ақ бірқатар басқа да актілермен реттеледі.

МЖК 24 адамнан тұрады, оның үшеуі лауазымы бойынша кіреді: төраға ретінде Республика Президенті, Кассациялық соттың төрағасы және бас прокуроры.

Италия Конституциясының 105-бабына сәйкес, МЖК сот билігінің қаулыларына сәйкес судьяларды жұмысқа қабылдауға, тағайындауға және ауыстыруға, қызметінде жоғарылатуға және оларға қатысты тәртіптік шаралар қолдануға қатысты құзыретке ие. 106-бапта судьялардың конкурстық негізде тағайындалатыны көрсетілген.

МЖК-нің функциялары мыналар болып табылады:

- а) тәртіптік юрисдикция;
- ә) судьялар корпусына қабылдау үшін судьялар мен прокурорларды іріктеу;
- б) судьялар мен прокурорларды нақты функциялар мен лауазымдарға тағайындау;
- в) заңда көзделген жағдайларда судьяларды нақты функциялар мен лауазымдардан шеттету;
- г) сот ұйымы шеңберінде судьяны бір лауазымнан немесе функциядан басқасына ауыстыру;
- д) судьяны басшылық сот немесе прокурорлық лауазымға тағайындау (мысалы, сот төрағасы немесе ауданның бас прокуроры);
- е) жоғары еңбегі үшін адвокаттар мен заң жоғары оқу орындарының оқытушыларын Кассациялық палата судьялары етіп тағайындау құқығы.

Магистратураның жоғары кеңесі туралы заңның 10-тармағына сәйкес, ол мынадай өкілеттіктерге ие:

Магистратура құрамына қабылдау, судьялық лауазымдарға тағайындау, ауыстыру, қызметінде жоғарылату және магистраттардың мәртебесіне байланысты басқа да шаралар;

құрметті вице-преторларды, бітістіруші судьяларды және судьялардың орынбасарларын, сондай-ақ магистрат болып табылмайтын мамандандырылған бөлімшелердің мүшелерін тағайындау және кері қайтарып алу; бітістіруші судьяларды тағайындау өкілеттігі апелляциялық соттардың төрағаларына берілуі (делегациялануы) мүмкін;

магистраттарға тәртіптік жазалар қолдану; тәртіптік тергеулер Әділет министрінің және Жоғарғы кассациялық сот жанындағы Бас прокурордың талабы бойынша қозғалады;

айрықша еңбегі үшін профессорлар мен адвокаттарды кассациялық магистраттар лауазымына тағайындауға ұсыну;

қолданыстағы судьяларға немесе олардың отбасыларына көзделген өтемақыларды, сондай-ақ басқа да субсидияларды бөлу.

Магистратураның жоғары кеңесі судьялардың тәуелсіздігін қамтамасыз етуде шешуші рөл атқарады, алайда, басқа елдердегідей, кеңес құрамына және тағайындау процесіне саяси ықпал ету мәселесіне қатысты қайшылықтар сақталып отыр.

Португалия

Португалия Конституциясының 217-бабына сәйкес, жалпы юрисдикция соттары судьяларын тағайындау, лауазымға кірісуі, ауыстыру және қызметінде жоғарылату, сондай-ақ оларға тәртіптік шаралар қолдану заңға сәйкес Магистратураның жоғары кеңесінің құзыретіне кіреді.

Заң Конституцияда көзделген кепілдіктерді сақтай отырып, басқа соттардың судьяларына қатысты лауазымға кірісу, ауыстыру, сондай-ақ тәртіптік шараларды қолдану ережелерін айқындайды және құзыретін белгілейді.

Судьялық лауазымдарға, соның ішінде төмен тұрған соттардың судьялары мен прокурорлар арасынан тағайындалатын Жоғарғы сот мүшелерінің лауазымдарына орналасу үшін конкурстық жүйе қарастырылған.

Магистратураның жоғары кеңесіне Жоғарғы соттың Төрағасы төрағалық етеді, ал оның құрамына мынадай мүшелер (гласные) кіреді: а) Республика Президенті тағайындаған екі тұлға; б) Республика Ассамблеясы сайлаған жеті тұлға; с) пропорционалды өкілдік принципіне сәйкес өз әріптестері сайлаған жеті судья.

Португалияның Магистратураның жоғары кеңесіне бір мезгілде Жоғарғы соттың төрағасы болып табылатын тұлға төрағалық етеді.

Түрік Республикасы

Түрік Республикасының 1982 жылғы 7 қарашадағы Конституциясының 159-бабына сәйкес, Судьялар мен прокурорлардың жоғары кеңесі (бұдан әрі – Кеңес) сот органдары мен әкімшілік соттардың судьялары мен прокурорларын кәсіби тұрғыда бекітуге, оларды тағайындауға, ауыстыруға, уақытша өкілеттіктер жүктеуге, қызметінде жоғарылатуға және бірінші сынып беруге, лауазымдарды бөлуге қатысты мәселелерді қарастырады. Сондай-ақ Кеңес кәсіби қызметте қалдыру мақсатқа сай емес деп танылған тұлғаларға қатысты шешімдер шығару, тәртіптік жазалар қолдану және лауазымдық міндеттерінен шеттету мәселелерімен айналысады.

Кеңес Төрағасы – Әділет министрі. Министрдің орынбасары лауазымы бойынша Кеңес мүшесі болып табылады. Кеңестің үш негізгі мүшесі мен үш алмастырушы мүшесін Республика Президенті Жоғарғы әскери апелляциялық соттың толық жиналысы өз мүшелерінің арасынан әрбір бос орынға ұсынған үш кандидаттың ішінен төрт жыл мерзімге тағайындайды. Екі негізгі және екі алмастырушы мүше Мемлекеттік Кеңестің толық жиналысы әрбір бос орынға ұсынған үш кандидаттың ішінен тағайындалады. Олар өкілеттік мерзімі

аяқталған соң қайта сайлана алады. Кеңес төрағаның орынбасарын сайланған негізгі мүшелердің арасынан сайлайды.

Кеңестің жеке хатшылығы және тәуелсіз бюджеті бар.

Әділет министрі судьялар мен прокурорларды олардың келісімімен Әділет министрлігінің орталық аппаратына уақытша немесе тұрақты жұмысқа тағайындауға уәкілетті.

Кеңес сот құрамындағы немесе судья мен прокурордың міндеттеріндегі өзгерістерге, сондай-ақ сот юрисдикциясының өзгеруіне қатысты Әділет министрлігінің ұсыныстары бойынша түпкілікті шешімдер қабылдайды. Кеңес сонымен қатар Конституция мен заңдарда жүктелген басқа да функцияларды жүзеге асырады.

Кеңес шешімдеріне ешбір сот органында шағым жасауға болмайды.

Судьяларды (магистраттарды) тағайындау бойынша құзыретті өзге органдармен бөлісетін сот кеңестері (немесе олардың аналогтары)

Болгария

Болгария Республикасының 1971 жылғы 18 мамырдағы Конституциясының 119-бабына сәйкес, Болгарияда сот ісін жүргізуді Жоғарғы кассациялық сот, Жоғарғы әкімшілік сот, апелляциялық, округтік, әскери және аудандық соттар жүзеге асырады.

Судьяларды, прокурорларды және тергеушілерді Жоғарғы сот кеңесі лауазымға тағайындайды, лауазымын жоғарылатады немесе төмендетеді, ауыстырады және лауазымынан босатады.

Жоғарғы кассациялық соттың төрағасы, Жоғарғы әкімшілік соттың төрағасы және Бас прокурор Жоғарғы сот кеңесінің ұсынысы бойынша Республика Президентімен жеті жыл мерзімге, қайта сайлану құқығынсыз тағайындалады және лауазымынан босатылады. Егер ұсыныс қайта жолданса, Президент тағайындаудан немесе босатудан бас тарта алмайды.

Жоғарғы сот кеңесі 25 мүшеден тұрады. Жоғарғы кассациялық соттың төрағасы, Жоғарғы әкімшілік соттың төрағасы және Бас прокурор оның құрамына лауазымы бойынша (құқылы түрде) кіреді. Жоғарғы сот кеңесінің он бір мүшесін Халық жиналысы, ал он бірін сот билігі органдары сайлайды. Жоғарғы сот кеңесінің сайланған мүшелерінің мандат мерзімі бес жылды құрайды.

Андорра Кінәздігі

Андорра сот жүйесінің негізі Франция мен Испанияның құқықтық жүйелері болып табылады. Андорра сот жүйесінің ерекшеліктері Конституцияның VII титулында ашып көрсетілген. Мемлекеттің сот жүйесі біртұтас (85-бап).

87-бапқа сәйкес, сот билігін бірінші сатыдағы судьялар, соттар, қылмыстық трибуналдар және Жоғарғы сот төрелігі жүзеге асырады.

Сондай-ақ екі викарийден, апелляциялық судьядан, екі азаматтық судьядан және Бас кеңестің екі мүшесінен тұратын Қылмыстық істер жөніндегі жоғарғы трибунал жұмыс істейді.

89-бапқа сәйкес, сот билігінің жоғары органы – Сот төрелігінің жоғары кеңесі – сот жүйесінің өкілдік, басшылық және басқару органы болып табылады, ол сот төрелігінің іске асырылуын бақылайды. Оның мүшелері Андорра азаматтары болып табылады. Олардың өкілеттік мерзімі – 6 жыл; олар кеңеске қатарынан екі реттен артық тағайындала алмайды. Сот төрелігінің жоғары кеңесінің төрағасы бас синдик тағайындайтын тұлға болып табылады.

Кеңестің құзыретіне бірінші сатыдағы судьялар мен магистраттарды тағайындау, оларға бақылау жасау, сондай-ақ сот инстанцияларының қалыпты жұмыс істеуі үшін қажетті құралдармен қамтамасыз етілуін қадағалау кіреді (89-бап).

Сербия

Сербияның Жоғары сот кеңесі (бұдан әрі – ЖСК) құзыретінің конституциялық шеңбері Конституцияның 154-бабында көзделген, алайда функциялардың егжей-тегжейлі тізбесі «Жоғары сот кеңесі туралы» заңның 13-бабында қамтылған.

Бұл функцияларға судьяларды тұрақты лауазымдарға тағайындау, судьялардың өкілеттіктерін тоқтату туралы шешімдер қабылдау, Ұлттық жиналысқа алғашқы судьялық лауазымға кандидаттар ұсыну, сондай-ақ Жоғарғы кассациялық соттың төрағасы мен сот төрағаларын сайлау және қызметінен босату кіреді.

ЖСК құзыреті Сербия Конституциясымен (154-бап) белгіленеді. Бұл ретте Конституцияның 154-бабында Жоғары сот кеңесінің құзыреті заңмен кеңейтілуі мүмкін екендігі қарастырылған. Нәтижесінде, «Жоғары сот кеңесі туралы» заңмен кеңестің құзыреті айтарлықтай кеңейтілді. Сонымен, қазіргі уақытта ЖСК-нің құзыретіне мыналар жатады:

судьяларды өкілеттіктерін мерзімсіз негізде жүзеге асыру үшін сайлау;

судьяның өкілеттіктерін тоқтату туралы шешім қабылдау;

Халық скупщинасына судьяларды үш жылдық (сынақ) мерзімге сайлау үшін кандидатуралар енгізу;

Халық скупщинасына Жоғарғы кассациялық соттың төрағасы мен сот төрағасын сайлау және лауазымынан босату туралы ұсыныстар енгізу;

Жоғарғы кассациялық сотқа Конституциялық соттың судьялары етіп сайлау үшін кандидатуралар енгізу;

алқабилерді (судья-заседательдерді) тағайындау;

әрбір сот үшін судьялар мен алқабилердің санын айқындау;

судьяны ауыстыру туралы шешім қабылдау;

басқа қызметтің судья өкілеттіктерін жүзеге асырумен сыйыспайтындығы туралы шешім қабылдау;

судья мен сот төрағасының қызметін бағалау өндірісінде шешім қабылдау және басқа да өкілеттіктер.

Хорватия

Конституцияның 121-бабына сәйкес, Хорватияның Мемлекеттік сот кеңесі (бұдан әрі – МСК) (Мемлекеттік сот вечесі) судьяларды тағайындайды және кері қайтарып алады, сондай-ақ олардың тәртіптік жауапкершілігі туралы

шешім қабылдайды. МСК судьяны тағайындау және кері қайтарып алу рәсімі туралы Хорват соборы Өкілдер палатасының құзыретті комитетінің пікірімен танысуға тиіс.

МСК он бір мүшеден тұрады, оларды Собордың Өкілдер палатасы заңда көзделген тәсілмен және тәртіппен көрнекті судьялар, адвокаттар және университеттердің құқық профессорлары арасынан сайлайды. Мемлекеттік сот вечесі мүшелерінің көпшілігі судьялар арасынан сайлануы тиіс. Сот төрағалары Мемлекеттік сот вечесінің мүшесі болып сайлана алмайды.

МСК судьяларды тағайындауға, сот төрағаларын лауазымға тағайындау және оларды босату туралы шешім қабылдауға, сот иммунитеті, судьяларды ауыстыру, судьялардың тәртіптік өкілеттіктері мен тәртіптік жауапкершілігі, сондай-ақ судьялардың өкілеттіктерін тоқтату туралы шешім қабылдауға құқылы. МСК судьялар мен сот органдары лауазымды тұлғаларын оқытуға және даярлауға қатысады, сот қызметін бағалау әдістемесін енгізеді, судьялардың жеке профильдерінің есебін жүргізеді, судьялық кәсіппен байланысты басқа да қызметтерді немесе жұмыстарды орындауға рұқсат береді, сондай-ақ судьялардың активтері туралы декларацияларын тіркейді және бақылайды.

«Сот жүйесі туралы» заңның негізінде МСК Жоғарғы сот Төрағасы лауазымына кандидат ұсыну рәсіміне қосылды және ол кандидаттар арасында конкурс жариялайтын, кандидатураларға қойылатын формалды талаптарды қарастыратын және Парламентке кандидат ұсынуға құқылы Республика Президентіне кеңес беретін орган болып табылады.

Судьяларды (магистраттарды) тағайындауда (сайлауда) шектеулі құзыретке ие сот кеңестері (немесе олардың аналогтары)

Франция

Францияда Магистратураның жоғары кеңесінің (*Conseil Supérieur de la Magistrature*) рөлі судьялардың тәуелсіздігін қамтамасыз ету және олардың сот жүйесіндегі лауазымдарға тағайындалуына кепілдік беру болып табылады.

Францияда судьяларды іріктеу және тағайындау жүйесіне өзара келісілген бірнеше құрылым қатысады. Олар: Магистратураның жоғары кеңесі, Қызметте жоғарылату жөніндегі комиссия, Әділет министрлігі және Ұлттық магистратура мектебі.

Алдымен «магистрат» ұғымына тоқталу қажет: бұл Францияда конституция мен заңдар мемлекеттік билік күшімен қамтамасыз етілген шешім қабылдау өкілеттігін беретін кез келген лауазымды тұлғаны білдіретін жалпы ұғым. Тек сот функцияларын жүзеге асыратын, яғни дауларды алқалы құрамда немесе жеке дара қарайтын магистраттар — бұл сот магистраттары (*magistrats du siège*) немесе судьялар.

Магистратураның жоғары кеңесі екі құрамнан тұрады: оның бірі судьяларға қатысты, ал екіншісі прокурорларға қатысты уәкілеттілікке ие.

Судьяларға қатысты уәкілетті құрамда Кассациялық соттың бірінші төрағасы төрағалық етеді. Сонымен қатар, оның құрамына 5 судья және бір прокурор, Мемлекеттік кеңес тағайындайтын Мемлекеттік кеңестің бір мүшесі,

бір адвокат, сондай-ақ Парламентке де, сот жүйесіне де, әкімшілік әділет жүйесіне де жатпайтын алты білікті тұлға кіреді. Республика Президенті, Халық жиналысының Төрағасы және Сенат Төрағасы екі-екіден білікті тұлғаларды тағайындайды.

Кеңестің негізгі функциясы – судьялық лауазымдарға кандидаттарды іріктеу, оларға тәртіптік жаза қолдану және судьялардың тәуелсіздігі мәселелері бойынша үкіметке кеңес беру. Магистратураның жоғары кеңесінің құрамы Кассациялық сот судьяларын, апелляциялық соттардың бірінші төрағаларын және үлкен инстанциялы соттардың төрағаларын тағайындау бойынша ұсыныстар енгізеді. Қалған судьялар кеңестің оң қорытындысы негізінде тағайындалады.

Мәселен, Францияда кәсіби судьяларды Президент тағайындайды; Кассациялық соттың лауазымды тұлғалары мен апелляциялық соттардың төрағалары – Магистратураның жоғары кеңесінің ұсынысы бойынша, ал басқа судьялар – Магистратура жоғары кеңесінің оң қорытындысымен Әділет министрінің ұсынымы бойынша тағайындалады («Магистратура мәртебесі туралы» заңның 12-бабы). Барлық қалған судьялар (коммерциялық трибуналдар, сақтандыру, теңіз саудасы, жер жалдау мәселелері жөніндегі трибуналдар және т.б.) тағайындалмайды, оларды сайлаушылар сайлайды.

Испания

Испанияда Сот билігінің бас кеңесі (бұдан әрі – СББК) (*Consejo General del Poder Judicial*) сот билігін басқару органы ретінде әрекет етеді. Испания Конституциясының 122-бабының 2-бөлігінде СББК сот билігін басқару органы болып табылатыны, оның мәртебесі, мүшелері үшін лауазымдардың сыйыспаушылығы туралы ережелер, сондай-ақ олардың функциялары, соның ішінде тағайындау, қызметінде жоғарылату, бақылау функцияларын орындау және тәртіптік жауапкершілік саласындағы өкілеттіктері тиісті «Сот билігі туралы» органикалық заңмен белгіленетіні көзделген

СББК Жоғарғы сот Төрағасын, судьяларды, магистраттарды және Жоғарғы сот магистраттарын, сондай-ақ Конституциялық соттың екі магистратын тағайындауды ұсынады. Бас прокурор тағайындалғанға дейін Үкімет Кеңестің ұсынысын тыңдайды.

Басқа функцияларға судьялар мен магистраттарды іріктеуге қатысу, Жоғарғы сот Төрағасының орынбасарын, тәртіптік жазаларды бастамашыны, сот инспекциясының бастығын және СББК Техникалық кабинетінің басшысын тағайындау, сондай-ақ Төрағалар мен соттардың басқарушы палаталарының әдеттегі инспекциялық қызметін қадағалау және үйлестіру кіреді. Сонымен қатар, оның өз ұйымы мен персоналының жұмысын реттеуге, сот шешімдерін жариялауға және жеке бюджетін дайындауға қатысты функциялары бар. СББК сондай-ақ азаматтардан сот төрелігін іске асыруға байланысты мәселелер бойынша шағымдар қабылдай алады.

Испания Конституциясының 122-бабында СББК негізгі функциялары тізіп көрсетілген, оның «құзыретінің негізгі өзегі судьялардың құқықтық жағдайы мен тәртіптік жүйесіне шоғырланған»:

- а) судьяларды тағайындау;
- б) судьялардың лауазымын жоғарылату;
- с) судьяларға қатысты тәртіптік юрисдикция;
- д) сот мекемелеріне бақылау («inspección») жасау.

Тағайындаудың ерекше нысанына Жоғарғы сот төрағасын (ол сонымен бірге СББК төрағасы болып табылады) сайлау, сондай-ақ Конституциялық соттың екі мүшесін сайлау жатады.

СББК кадрлық өкілеттіктері, соның ішінде судьялар корпусын қалыптастыруға байланысты функциялары мынадай:

Жоғарғы соттың және СББК Төрағасы лауазымына тағайындау үшін кандидатураны ұсыну;

Жоғарғы сот Төрағасының орынбасарын лауазымға тағайындау;

судьялар, магистраттар, сондай-ақ Жоғарғы сот магистраттары лауазымдарына тағайындау үшін ұсыным беру;

Конституциялық соттың екі магистраты лауазымына тағайындау үшін ұсыным беру;

Үкіметте Бас прокурорды тағайындау мәселесі бойынша пікір білдіру;

қолданыстағы заңнамада көзделген тәртіппен судьялар мен магистраттарды іріктеуге қатысу;

судьялар мен магистраттардың кәсіби даярлығына және біліктілігін арттыруға, оларды лауазымдарға тағайындауға, қызметінде жоғарылатуға, сондай-ақ судьялар мен магистраттардың қатысуымен болатын әкімшілік және тәртіптік істерге қатысты шешімдер қабылдауға қатысу.

АҚШ

АҚШ-та 51 сот жүйесі бар – федералдық сот жүйесі және штаттардың сот жүйелері. Федералдық соттарға судьяларды Президент тағайындайды (Жоғарғы Сотқа – Сенаттың келісімімен), ал бірқатар штаттардың соттарына – штат губернаторлары тағайындайды. Дегенмен, АҚШ-тың көптеген штаттарында (50-дің 40-ында) судьяларды халық сайлайды. Бұл ретте 12 штатта барлық судьялар сайланса, 30 штатта – шектеулі құзыретті соттарда (полиция, магистраттық соттар, әділет соттары және муниципалдық соттар) істерді қарау үшін судьялар сайланады. Бұл төменгі буын судьялары әртүрлі штаттарда екі жылдан алты жылға дейінгі мерзімге сайланады. Кейбір штаттарда судьяларды сайлауға көмектесетін кеңестер де бар, бірақ олар басқа елдердегі сот кеңестері сияқты тәуелсіз болып табылмайды.

Жоғарыда қарастырылғандарды қорытындылайтын болсақ, Жоғары сот кеңестері (немесе олардың аналогтары) соттардың тәуелсіздігі мен сот билігінің кәсібилігін қамтамасыз ете отырып, әртүрлі елдердің сот жүйелерінде маңызды рөл атқарады. Олардың функциялары судьяларды тағайындаудан бастап, тәртіптік бақылауға және сот жүйесін жетілдіру бойынша ұсынымдар беруге дейін түрленеді. Сот кеңестері өкілеттіктерінің көлемі, соның ішінде судьяларды тікелей тағайындау мәселелеріне қатысты өкілеттігі көп жағдайда қалыптасқан құқықтық дәстүрлерге, сондай-ақ сол немесе басқа мемлекеттердегі демократиялық институттар дамуының ерекшеліктері мен

басымдықтарына байланысты болады. Бұл ретте мемлекеттегі басқару нысаны сот кеңестеріне судьяларды тағайындау құқығын беруде әрдайым негізгі рөл атқара бермейді.

Таяу шетелдерде Жоғары сот кеңестерінің судьяларды тағайындау рәсіміне қатысуы бойынша біртекті емес тәсіл байқалады. Судьяларды тікелей тағайындау өкілеттігі (әртүрлі көлемде) тек Грузия мен Өзбекстанның сот кеңестерінде ғана бар.

Таяу шетелдердің көпшілігінде, атап айтқанда Армения, Әзербайжан, Қырғызстан, Литва, Молдова және Украинада сот кеңестері судьяларды тағайындау мәселелерінде айтарлықтай өкілеттіктерге ие, алайда кейбір жағдайларда атқарушы және заң шығарушы биліктің ықпалы сақталып отыр.

Бірақатар таяу шетелдерде (РФ, Латвия, Эстония) сот кеңесі институты мүлдем жоқ.

Алыс шетелдерде тәуелсіз орган – сот кеңесі арқылы судьяларды тағайындаудың әртүрлі модельдері қалыптасқан, бұл сот жүйесіне деген сенімді нығайта түседі.

Бірақатар елдерде сот кеңестері барлық судьяларды өз бетінше тағайындаудың толық құқығына ие болуы мүмкін (Англия және Уэльс, Италия, Португалия, Түркия және т.б.), немесе бұл құзыретті өзге де органдармен бөлісе отырып, судьялар корпусының бір бөлігін қалыптастыруда маңызды рөлді сақтап қалады (Болгария, Андорра Кінәздігі, Сербия, Хорватия және т.б.).

Испания мен Францияда сот кеңестеріне тек судьялық лауазымдарға кандидаттарды іріктеу және ұсынымдар беру өкілеттіктері ғана берілген.

Осылайша, шетелдік практиканы талдау судьяларды тағайындаудың (сайлаудың), соның ішінде сот кеңестерінің қатысуымен жүзеге асырудың өзіндік ерекшеліктері бар екенін көрсетеді. Бұл ретте судьялар корпусын қалыптастыру рәсімдерінің басқа қолданыстағы модельдерден айқын артықшылықтары бар әмбебап моделі жоқ.

Сонымен қатар, сот билігінің толық тәуелсіздігін қамтамасыз ету мақсатында осы саладағы сот заңнамасын реформалау өзекті бағыт болып қала береді. Тиісінше, судьяларды тағайындау (сайлау) рәсімдерінде сот кеңестерінің рөлін одан әрі күшейту үрдісі байқалады.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ДЕРЕККӨЗДЕР ТІЗІМІ:

1. Венецианская комиссия: Заключение по предложениям о внесении изменений в законопроект о внесении изменений в Конституцию для усиления независимости судей Украины (CDL-AD (2013) 034), п. 16//:[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2013\)034-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2013)034-e)

2. Венецианская комиссия: Заключение по проекту новой Конституции Исландии (CDL-AD (2013) 010), п. 137//:[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2013\)010-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2013)010-e).

3. Сравнительное заключение о моделях судебных советов как независимых и самоуправляющихся органов. Варшава, 16 декабря 2021 года
Opinion-Nr.: JUD-KAZ/415/2021//
<https://legislationline.org/sites/default/files/documents/7f/ODIHR%20Comparative%20Note%20on%20Models%20of%20Judicial%20Councils%20as%20Independent%20and%20Self-Governing%20Bodies%20RUS.pdf>
4. Марко Оливетти. Функционирование высших судебных советов Италии и Испании. 24 ноября 2021 года// <https://rm.coe.int/2021-11-21-judicial-councils-in-italy-and-in-spain-nur-sultan-ru-marco/1680a59e93>
5. Отбор, назначение и продвижение судей: зарубежный опыт и международные стандарты// Сравнительное конституционное обозрение.-2014.-№6.-С.98-109// https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2014_747.pdf
6. Законы о судебных советах различных стран (в том числе на сайте «Библиотека конституций Пашкова Романа»)//
<https://worldconstitutions.ru/?p=903>
7. Абдрасулов Е.Б. Отбор и первоначальное обучение судей: международный опыт// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37020423
8. Конституция Республики Узбекистан//
<https://constitution.uz/ru/clause/index#section23>
9. Закон Республики Узбекистан «О Высшем судебном совете Республики Узбекистан» от 06 апреля 2017 года <https://lex.uz/docs/3153671>
10. Конституция Французской Республики от 04.10.1958 (с изменениями, внесенными 23 июля 2008 года) // http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf
11. Андреева И.А. Первоначальная профессиональная подготовка магистратов во Франции // Право и образование. 2013. № 4. С.97
12. <https://km.mnu.kz/ru/archiv/100/3>
13. Сайт юридической компании «Экономические споры» <https://e-sud.by/useful/practice/63459/naznachenie-sudej-za-rubezhom>
14. <https://e-sud.by/useful/practice/63459/naznachenie-sudej-za-rubezhom>
15. <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf>
16. <https://legalns.com/download/books/cons/andorra.pdf?ysclid=m4thi3wjkk627870130>
17. <https://legalns.com/download/books/cons/turkey.pdf?ysclid=m4uwdsem3q47662012>
18. <https://hyno.ru/tom1/1335.html?ysclid=m4uy3vaebv225231398>
19. <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf?ysclid=m4uy6kevjjv676257515>
20. <https://legalns.com/download/books/cons/bulgaria.pdf?ysclid=m4uzkwv24z78127280>

*Қосымша***Таяу шетелдердің судьялар корпусы құрамын қалыптастыру тетігі**

№	Мемлекет	Тағайындау (сайлау) тетігі	Құқықтық нормативтік актіге (ҚНА) сілтеме
Жоғары сот органының судьяларын (төрағасын) жоғары өкілді орган, ал басқа соттардың судьяларын – Сот кеңесі тағайындайды			
1	Грузия	<p>Жоғарғы соттың Төрағасы мен судьяларын Грузия Президентінің ұсынымы бойынша Грузия Парламенті тізімдік құрамның көпшілік дауысымен 10 жыл мерзімге сайлайды.</p> <p>Жоғарғы сот Төрағасы Грузия Президентіне Жоғарғы сот судьясы лауазымына сайлау үшін кандидатура ұсынуға құқылы, ал Грузия Президенті Грузия Конституциясы мен осы Заңда көзделген талаптарға жауап беретін кез келген кандидатураны сайлау үшін Грузия Парламентіне ұсынуға уәкілетті.</p> <p>Апелляциялық және аудандық (қалалық) соттардың судьяларын лауазымға Грузияның Жоғары әділет кеңесі тағайындайды.</p>	<p>Органический закон Грузии «Об общих судах» от 4 декабря 2009 года// https://matsne.gov.ge/en/document/download/90676/17/ru/pdf</p>
2	Өзбекстан	<p>Өзбекстан Республикасы Олий Мажлисі Сенатының айрықша өкілеттіктеріне Өзбекстан Республикасы Президентінің ұсынымы бойынша Өзбекстан Республикасының Конституциялық сотын, Жоғарғы сотын және Жоғары судьялар кеңесін сайлау жатады.</p> <p>Жоғары судьялар кеңесі:</p> <p>Өзбекстан Республикасы Жоғарғы сотының төрағасы, төраға орынбасарлары және судьялары лауазымдарына ұсынылатын кандидаттар бойынша Өзбекстан Республикасының Президентіне ұсыныстар енгізеді;</p> <p>облыстық және Ташкент қалалық соттарының төрағалары мен төраға</p>	<p>Конституция Республики Узбекистан// https://constitution.uz/ru/clause/index#section23</p> <p>Закон Республики Узбекистан «О Высшем судейском совете Республики Узбекистан» от 06 апреля 2017 года https://lex.uz/docs/3153671</p>

		<p>орынбасарлары, облыстар мен Ташкент қаласы әкімшілік соттарының төрағалары мен төраға орынбасарлары, Өзбекстан Республикасы Әскери сотының төрағасы мен төраға орынбасары лауазымдарына ұсынылатын кандидаттар бойынша Өзбекстан Республикасының Президентіне ұсынымдар енгізеді;</p> <p>облыстық және Ташкент қалалық соттарының судьяларын, ауданаралық, аудандық, қалалық соттардың төрағаларын, олардың орынбасарлары мен судьяларын, облыстар мен Ташкент қаласы әкімшілік соттарының судьяларын, ауданаралық әкімшілік соттардың төрағаларын, олардың орынбасарлары мен судьяларын, сондай-ақ Өзбекстан Республикасы Әскери сотының судьяларын, аумақтық әскери соттардың төрағаларын лауазымға тағайындайды.</p>	
Жоғары сот органының судьяларын (төрағасын) жоғары өкілді орган, ал басқа соттардың судьяларын – Мемлекет басшысы тағайындайды			
3.	Армения	<p>Кассациялық соттың судьяларын Ұлттық Жиналыстың ұсынысы бойынша Республика Президенті тағайындайды.</p> <p>Ұлттық Жиналыс әрбір судьялық орынға Жоғары сот кеңесі ұсынған үш кандидаттың ішінен ұсынылған кандидатты депутаттардың жалпы санының кемінде бестен үшін құрайтын дауыспен сайлайды.</p> <p>Кассациялық сот палаталарының төрағаларын Жоғары сот кеңесінің ұсынысы бойынша тиісті палата құрамынан Республика Президенті алты жыл мерзімге тағайындайды.</p> <p>Кассациялық соттың Төрағасын Жоғары сот кеңесінің ұсынысы бойынша Кассациялық сот құрамынан Ұлттық Жиналыс депутаттардың жалпы санының көпшілік дауысымен алты жыл мерзімге сайлайды.</p>	<p>Конституция Республики Армения от 06 декабря 2015 года//</p> <p>https://www.president.am/ru/constitution-2015/</p>

		<p>Бірінші сатыдағы соттар мен апелляциялық соттардың судьяларын Жоғары сот кеңесінің ұсынысы бойынша Республика Президенті тағайындайды.</p> <p>Бірінші сатыдағы соттар мен апелляциялық соттардың төрағаларын Жоғары сот кеңесінің ұсынысы бойынша тиісті сот құрамынан Республика Президенті үш жыл мерзімге тағайындайды.</p>	
4.	Әзербайжан	<p>Әзербайжан Республикасы соттарының судьяларын Әзербайжан Республикасының Президенті тағайындайды.</p> <p>Жоғарғы Соттың, Нахчыван Автономиялық Республикасы Жоғарғы Сотының және апелляциялық соттардың судьяларын Әзербайжан Республикасы Президентінің ұсынымы негізінде Әзербайжан Республикасының Милли Меджлисі тағайындайды.</p> <p>Әзербайжан Республикасы Жоғарғы Сотының және Нахчыван Автономиялық Республикасы Жоғарғы Сотының төрағаларын қоспағанда, Әзербайжан Республикасы соттары төрағаларын, төраға орынбасарларын және сот алқаларының төрағаларын тағайындау Сот-құқықтық кеңесінің ұсынысы негізінде жүзеге асырылады.</p>	<p>Закон Азербайджанской республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года//</p> <p>https://www.constcourt.gov.az/ru/legislation/28</p>
5.	Беларусь	<p>Аудандық (қалалық), мамандандырылған, облыстық (Минск қалалық) соттардың, облыстардың (Минск қаласының) экономикалық соттарының судьяларын Беларусь Республикасы Жоғарғы Соты Төрағасының ұсынымы бойынша Беларусь Республикасының Президенті тағайындайды.</p> <p>Беларусь Республикасы Жоғарғы Сотының судьяларын Беларусь Республикасы Президентінің Бүкілбеларусь халықтық жиналысының Президиумымен алдын ала келісілген ұсынысы бойынша Бүкілбеларусь</p>	<p>Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 года//</p> <p>https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0600139</p>

		халықтық жиналысы сайлайды.	
6.	Қырғыз Республикасы	<p>Президент жергілікті соттардың судьяларын Сот істері жөніндегі кеңестің ұсынысы бойынша тағайындайды.</p> <p>Жогорку Кенеш: Сот істері жөніндегі кеңестің ұсынысы негізінде Президенттің ұсынымы бойынша Жогорку Кенеш депутаттарының жалпы санының кемінде жартысының дауысымен Жоғарғы сот пен Конституциялық соттың судьяларын сайлайды; Конституцияда және конституциялық заңда көзделген жағдайларда Президенттің ұсынымы бойынша оларды лауазымынан босатады;</p> <p>Жогорку Кенеш депутаттарының жалпы санының кемінде жартысының дауысымен Конституциялық сот пен Жоғарғы соттың төрағаларын осы соттардың судьялары арасынан 5 жыл мерзімге тағайындау үшін Президент ұсынған кандидаттарға келісім береді.</p>	<p>Конституция Кыргызской Республики от 11 апреля 2021 года// https://shailoo.gov.kg/ru/ZakonodateltvoMyyzamdardar/Konstituciya-Konstituciya/Konstituciya-24/</p>
7.	Литва	<p>Жоғарғы Соттың судьяларын, ал олардың арасынан төрағаны Республика Президентінің ұсынымы бойынша Сейм тағайындайды және қызметінен босатады.</p> <p>Апелляциялық соттың судьяларын, ал олардың арасынан төрағаны Сеймнің мақұлдауымен Республика Президенті тағайындайды.</p> <p>Учаскелік, округтік және мамандандырылған соттардың судьялары мен төрағаларын тағайындау және олардың жұмыс орнын ауыстыру Республика Президентімен жүзеге асырылады.</p> <p>Республика Президентіне судьяларды тағайындау, жоғарылату, ауыстыру немесе атқаратын лауазымдарынан босатуға қатысты кеңестерді заңда көзделген арнайы судьялар органы береді.</p>	<p>Конституция Литовской Республики от 25 октября 1992 года// https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm</p>
8.	Молдова	Сот инстанцияларының судьяларын заңға сәйкес Магистратураның жоғары	Конституция Республики

		<p>кеңесінің ұсынымы бойынша Молдова Республикасының Президенті тағайындайды. Конкурстан өткен судьялар алғашқыда бес жылдық мерзімге тағайындалады. Бес жыл өткеннен кейін судьялар заңға сәйкес белгіленген шекті жасқа толғанға дейін тағайындалады.</p> <p>Сот инстанцияларының төрағалары мен төраға орынбасарларын Магистратураның жоғары кеңесінің ұсынымы бойынша Молдова Республикасының Президенті төрт жылдық мерзімге тағайындайды.</p> <p>Жоғары сот палатасының төрағасы, төраға орынбасарлары және судьялары Магистратураның жоғары кеңесінің ұсынымы бойынша Парламентпен тағайындалады.</p>	<p>Молдова от 29 июля 1994 года// https://presedinte.md/rus/constitutia-republicii-moldova</p>
9.	Ресей	<p>Ресей Федерациясы Жоғарғы Сотының судьяларын Ресей Федерациясы Жоғарғы Соты Төрағасының ұсынымы негізінде енгізілетін Ресей Федерациясы Президентінің ұсынымы бойынша Ресей Федерациясы Федералды Жиналысының Федерация Кеңесі тағайындайды.</p> <p>Округтердің төрелік соттарының және мамандандырылған төрелік соттардың судьяларын тиісті сот төрағасынан ұсынылатын тұлғаны судья лауазымына тағайындау туралы ұсыным алынған күннен бастап 30 күннен кешіктірілмей Ресей Федерациясының Президентіне жолданатын Ресей Федерациясы Жоғарғы Соты Төрағасының ұсынымы бойынша Ресей Федерациясының Президенті тағайындайды.</p> <p>Басқа да федералдық жалпы юрисдикция соттары мен төрелік соттардың судьяларын тиісті сот төрағасынан ұсынылатын тұлғаны судья лауазымына тағайындау туралы ұсыным алынған күннен бастап 30 күннен кешіктірілмей Ресей</p>	<p>Закон «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 года// http://letters.kremlin.ru/info-service/acts/17</p>

		Федерациясының Президентіне жолданатын Ресей Федерациясы Жоғарғы Соты Төрағасының ұсынымы бойынша Ресей Федерациясының Президенті тағайындайды.	
10.	Тәжікстан	<p>Тәжікстан Республикасы Жоғарғы Сотының және Жоғары экономикалық сотының судьяларын Тәжікстан Республикасы Президентінің ұсынымы бойынша Тәжікстан Республикасы Маджилиси Олиінің Маджилиси милли сайлайды.</p> <p>Таулы Бадахшан автономиялық облысы сотының, облыстық соттардың, Душанбе қалалық сотының, гарнизондардың әскери соттарының, қалалық және аудандық соттардың судьяларын Тәжікстан Республикасы Жоғарғы Соты Төрағасының ұсынымы бойынша, ал Таулы Бадахшан автономиялық облысы экономикалық сотының, облыстық және Душанбе қалалық экономикалық соттарының судьяларын Тәжікстан Республикасы Жоғары экономикалық соты Төрағасының ұсынымы бойынша Тәжікстан Республикасының Президенті тағайындайды.</p>	Конституционны й Закон Республики Таджикистан «О судах Республики Таджикистан» от 26 июля 2014 года// https://sud.tj/upload/iblock/02e/u9zb015yg96n8bgqtwk51qcoz5p0actn.pdf
11.	Эстония	<p>Мемлекеттік соттың төрағасын Республика Президентінің ұсынысы бойынша Рийгикогу лауазымға тағайындайды.</p> <p>Мемлекеттік соттың мүшелерін Мемлекеттік сот төрағасының ұсынысы бойынша Рийгикогу лауазымға тағайындайды.</p> <p>Басқа судьяларды Мемлекеттік соттың ұсынысы бойынша Республика Президенті лауазымға тағайындайды.</p>	Конституция Эстонской Республики от 27 августа 2010 года// https://biblioteka.sejm.gov.pl/wp-content/uploads/2015/10/Estonia_rus_010815.pdf
Барлық деңгейдегі соттардың судьяларын жоғары өкілді орган тағайындайды			
12.	Латвия	Судьяларды Сейм бекітеді және олар ауыстырылмайды. Судьялар тек Сейммен ғана және тек заңда көрсетілген жағдайларда, судьялардың Тәртіптік комиссиясының шешімінен немесе қылмыстық іс бойынша сот	Конституция Латвийской Республики от 15 февраля 1922 года// https://legalns.com/

		үкімінен кейін ғана лауазымынан шеттетілуі мүмкін. Заң судьяның лауазымынан кететін жас мөлшерін белгілей алады.	download/books/cos/latvia.pdf
Барлық деңгейдегі соттардың судьяларын мемлекет басшысы тағайындайды			
13.	Түрікменстан	<p>Барлық соттардың судьяларын Түрікменстан Президенті тағайындайды.</p> <p>Түрікменстан Жоғарғы сотының Төрағасын Түрікменстан Президенті Түрікменстан Меджлисінің келісімімен тағайындайды.</p> <p>Түрікменстан Жоғарғы соты Төрағасының орынбасарлары мен судьяларын, Түрікменстан Төрелік сотының Төрағасы мен судьяларын, уәлаяттық соттардың және уәлаят құқығы бар қалалық соттардың, сондай-ақ этраптық соттардың және этрап құқығы бар қалалық соттардың төрағаларын, олардың орынбасарлары мен осы соттардың судьяларын Түрікменстан Жоғарғы соты Төрағасының ұсынымы бойынша Түрікменстан Президенті тағайындайды.</p> <p>Түрікменстан Төрелік сотының, уәлаяттық соттардың және уәлаят құқығы бар қалалық соттардың, сондай-ақ этраптық соттардың және этрап құқығы бар қалалық соттардың судьялығына кандидаттарды іріктеуді тиісінше Түрікменстан Төрелік соты, уәлаяттық соттар және уәлаят құқығы бар қалалық соттар төрағаларының, Түрікменстан Жоғарғы соты Төрағасының ұсынымдары бойынша Судьялардың біліктілік алқасының қорытындысы негізінде Түрікменстан Жоғарғы соты жүзеге асырады.</p>	<p>Закон Туркменистана «О суде» от 8 ноября 2014 года// http://www.turkmenbusiness.org/content/zakon-turkmenistana-o-sude-novaya-redaktsiya</p>
14.	Украина	Судья лауазымына тағайындауды Украина Президенті осы Заңда судьялыққа кандидаттарға қойылатын талаптардың сақталуын және іріктеу жүргізу немесе кандидаттарды біліктілік бағалау тәртібін	<p>Закон Украины «О судеустройстве» от 02 июня 2016 года// https://kodeksy.co</p>

		<p>тексерместен, Сот төрелігінің жоғары кеңесінің ұсынымы негізінде және соның шегінде жүзеге асырады.</p> <p>Судьялық лауазымға кандидатқа қатысты кез келген өтініш оны лауазымға тағайындауға кедергі болмайды. Мұндай өтініштерде баяндалған фактілер Украина Президентінің құзыретті органдар алдында осы фактілерді заңда белгіленген тәртіппен тексеру туралы мәселе көтеруіне негіз болуы мүмкін.</p> <p>Украина Президенті Сот төрелігінің жоғары кеңесінен тиісті ұсынымды алған күннен бастап отыз күннен кешіктірмей судьяны тағайындау туралы жарлық шығарады.</p>	<p>m.ua/ka/o_sudoustr_ojstve_i_statuse_sudej/statja-80.htm</p>
--	--	---	---

А.И. Оджагвердиев

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ

Введение

В современных условиях глобальных вызовов и стремительной трансформации правовых систем особое значение приобретает гармонизация национальных традиций с международными стандартами. Генеральная прокуратура Азербайджанской Республики последовательно реализует стратегию укрепления кадрового и образовательного потенциала. Ключевым звеном в этой системе выступает Научно-учебный центр (НУЦ), деятельность которого направлена на внедрение передовых технологий, развитие научно-исследовательской работы и расширение международного сотрудничества.

Основная часть

Генеральная прокуратура Азербайджана, посредством Научно-учебного центра, внедрила комплексную стратегию технологической модернизации и стратегического партнерства.

Научно – учебный центр, созданный в структуре Генеральной прокуратуры выступает в качестве высокотехнологичной платформы для непрерывного обучения. Наш подход к инновационному образованию базируется на современных технологиях и практико – ориентированных инструментах: Все учебные аудитории оснащены проекторами, интерактивными досками и компьютерной техникой.

Активно используются такие информационные системы, как «Электронная Библиотека Генеральной прокуратуры» и платформа «Дистанционного Обучения».

В рамках запущенной с работу системы цифрового документооборота EPIS также функционируют модули под названием «Учебные мероприятия», а также «Издания».

Следует отметить что посредством модуля «Учебные мероприятия» стало возможным значительно ускорить организацию подобных мероприятий и сэкономить человеческие ресурсы. Так например при организации мероприятий список участников наряду, с другими необходимыми материалами загружается в модуль и все сотрудники указанные в соответствующем распоряжении Генерального Прокурора автоматически получают оповещения о месте и дате мероприятия. Впоследствии модуль значительно упрощает работу по систематизации и анализу проведенных мероприятий.

Особое место в нашем инновационном опыте занимает работа с будущими прокурорами – студентами юридических вузов и молодыми специалистами.

Мы глубоко убеждены: качество завтрашней прокуратуры закладывается уже сегодня в аудиториях университетов. Поэтому Научно-учебный центр активно сотрудничает с ведущими юридическими вузами Азербайджана

(Академия юстиции, Бакинский государственный университет, другие вузы), организуя для студентов:

- практику и стажировки в органах прокуратуры;
- участие в симуляционных процессах, викторинах и квестах;
- ознакомление с деятельностью органов прокуратуры посредством для «открытых дверей»

Ежегодно сотни студентов проходят у нас отборочные программы. Лучшие из них получают рекомендацию для приёма на службу и целевое сопровождение. Такой подход позволяет нам формировать кадровый резерв из мотивированных, уже частично подготовленных и лояльных государству молодых специалистов.

Действующие прокуроры и сотрудники Научно-учебного центра также регулярно преподают в вузах страны специализированные дисциплины («Прокурорский надзор», «Уголовный процесс», «Оперативно-розыскная деятельность», «Криминалистика» др.);

Сочетание технологической базы, работы со студентами и широкого партнёрства позволяет проводить не только классические лекционные курсы, но и максимально интерактивные форматы:

- викторины по праву и конкурсы «Конституция и закон»;
- симуляцию допроса свидетеля (совместно с ELSA);
- интерактивный следственный квест на специально разработанной цифровой платформе.

Особо хотелось бы остановиться на уникальном проекте Научно-учебного центра – полностью цифровом «Интерактивном следственном квесте».

Это отечественная онлайн-платформа собственной разработки, которая позволяет в реальном времени симулировать расследование уголовных дел любой категории – от краж и мошенничества до коррупционных преступлений, киберпреступлений, торговли людьми и особо тяжких преступлений против личности.

Участники (прокуроры – курсанты, студенты или смешанные команды) получают доступ к виртуальному «делу» и в течение нескольких часов или дней последовательно выполняют весь следственный процесс:

- осмотр места происшествия в 3D-среде (360 фото и видео);
- назначение и получение результатов судебных экспертиз;
- проведение допросов подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших (через текстовый или голосовой чат с «живыми» актёрами или ИИ-персонажами);
- выемка и анализ цифровых следов (телефонные биллинги, переписка, банковские транзакции);
- направление запросов в банки, операторов связи, госорганы регистрации;
- составление процессуальных документов и принятие итогового решения (прекращение, направление в суд и т.д.).

Платформа полностью исключает необходимость физического полигона, дорогих декораций и массовки: всё происходит в браузере или мобильном приложении. При этом каждое действие участника фиксируется, оценивается автоматизированной системой и опытными наставниками – прокурорами. По окончании квеста генерируется детальный отчет с указанием допущенных ошибок и нарушений закона.

Широкое международное и отечественное сотрудничество усиливает все вышеперечисленные направления.

Это стратегическое сотрудничество фокусируется на ключевых направлениях: Обмен инновационными педагогическими технологиями и методиками. Проведение совместных фундаментальных и прикладных исследований по актуальным проблемам права и практики. Совместная подготовка учебно – методических пособий и научных изданий, которые становятся более совершенными и интеллектуально ценными.

Кроме того, в целях обмена передовым опытом было установлено сотрудничество с рядом международных партнеров, в том числе с Академией юстиции Турции, Правоохранительной академии Республики Узбекистан, Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, а также многими другими.

Азербайджанская прокуратура также активно сотрудничает с **Международной ассоциацией прокуроров**. Наши сотрудники регулярно участвуют на вебинарах, посвященным актуальным вопросам права, организованных МАП.

Сочетание технологической базы и широкого партнерства позволяет нам проводить не только лекционные курсы, но и **интерактивные мероприятия**, обеспечивающие единство теории и практики.

Также отметим что, служба в органах прокуратуры Республики Азербайджан является выражением особого доверия со стороны общества и государства, что предъявляет высокие требования к морали, нравственному и этическому облику сотрудников прокуратуры. В этой связи Центр периодически организует учебные мероприятия для изучения положений Кодекса этического поведения сотрудников прокуратуры. Основанием для проведения курсов может быть приказ Генерального прокурора, а также рекомендация Комиссии по этическому поведению.

Для участия в учебном мероприятии в качестве лекторов, наряду с сотрудниками Центра, привлекаются сотрудники других структурных подразделений прокуратуры, отличающиеся длительной и безупречной службой в органах прокуратуры. Учитывая роль секретариата Этической Комиссии порученной Научно-Образовательному Центру был разработан модуль «Этической Комиссией» который позволяет в цифровом формате осуществлять часть работы комиссии значительно повышая эффективность процесса.

Особое внимание уделяется вопросам этического поведения сотрудников в социальных сетях. Поскольку любая публичная деятельность в

цифровом пространстве напрямую влияет на доверие к государственному органу, мы разработали **специализированный модуль**, который лег в основу соответствующего **методического пособия** для прокуроров. Это позволяет нам не только изучать положения Кодекса, но и давать практические рекомендации по сохранению безупречного профессионального имиджа в условиях информационной открытости.

Научно-учебный Центр Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики уделяет повышенное внимание вопросам кибербезопасности, электронных доказательств и информационных технологий в рамках своей деятельности. В эпоху тотальной цифровизации **киберпреступность** стала одним из наиболее серьезных, динамично развивающихся и изоциренных вызовов для правоохранительных органов. Сегодня преступления все чаще оставляют невидимый, но критически важный **цифровой след**, требующий от прокуроров совершенно новых компетенций.

Мы осознаем, что вопросы **кибербезопасности** и расследования киберпреступлений сопряжены с множеством **технических деталей** и сложными информационными технологиями. **Несмотря на эту техническую сложность, для современного прокурора жизненно важно** не просто понимать юридические аспекты, но и уверенно ориентироваться в методах сбора, анализа и процессуального закрепления **электронных доказательств**. Без освоения этих навыков невозможно обеспечить эффективное и законное расследование преступлений, совершенных с использованием высоких технологий.

Именно поэтому Научно-учебный Центр Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики уделяет **повышенное внимание** этим критическим вопросам. Наш центр регулярно проводит **специализированные тренинги и семинары**, которые охватывают:

- Сбор и анализ **электронных доказательств**.
- Расследование преступлений в сфере **информационных технологий**.
- Обеспечение личной и служебной **кибербезопасности** в повседневной деятельности.

Инновационные подходы в Азербайджане заключаются не только в оснащении современными технологиями, но и в формировании широкой сети стратегического сотрудничества, включая интеграцию в мировое профессиональное сообщество. Цель этих усилий – обеспечить прокуратуру кадровым корпусом, обладающим глубокими юридическими знаниями, высокими моральными качествами и практическими навыками, полностью соответствующим современным требованиям.

Заключение

Инновационные подходы, применяемые в Азербайджанской Республике, заключаются не только в техническом оснащении, но и в формировании широкой сети стратегического партнерства и интеграции в мировое профессиональное сообщество. Реализация данных инициатив обеспечивает прокуратуру кадровым корпусом, полностью соответствующим современным

требованиям эффективности и законности. Обмен опытом в рамках международного форума станет фундаментом для новых совместных проектов и глубокого понимания глобальных вызовов в сфере защиты прав человека.

Д.Х. Найманова

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ: КОМПЕТЕНТНОСТНО - ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ В КАЗАХСТАНЕ

Разрешите поприветствовать Вас и поблагодарить организаторов за возможность выступить на столь значимой площадке.

Поставленные стратегические задачи по совершенствованию судопроизводства по уголовным правонарушениям, модернизации национальной правовой системы, Уголовного и Уголовно – процессуального законодательства формируют принципиально новое правовое пространство деятельности судебной системы, радикально отличающееся от существовавшего более пятидесяти лет уголовного процесса. Это налагает большую ответственность на всех, кто в силу своих профессиональных обязанностей будет реализовывать поставленные задачи.

В их число относится и государственный обвинитель, который всегда был и остаётся **ключевой фигурой** органов прокуратуры. Он действует от имени государства, обеспечивает верховенство закона и формирует в глазах общества восприятие правосудия.

Сегодня, когда судебные процессы стали максимально открытыми и транслируются онлайн, ответственность участвующих в суде прокуроров значительно возросла. От них ждут не только глубоких знаний и высокого профессионализма, но и культуры публичных выступлений, умения убедительно представлять позицию и достойно отстаивать интересы государства.

Одной из задач Генеральной прокуратуры и Академии правоохранительных органов – это вывести деятельность государственных обвинителей на качественно новый уровень, укрепить их профессиональный имидж и подготовить специалистов, отвечающих современным вызовам.

Академия, в свою очередь, являясь специализированным **центром** подготовки и переподготовки кадров, уделяет особое внимание данному вопросу. Мы стараемся не просто передать знания, но и сформировать высокую профессиональную культуру, которая сочетается с ценностями служения закону и обществу.

Профессиональная подготовка государственного обвинителя и опыт играют ключевую роль в принятии судом законного, справедливого и обоснованного решения. Государственные обвинители должны хорошо разбираться в уголовно – процессуальном законодательстве, иметь навыки работы с доказательствами, уметь эффективно взаимодействовать с участниками судебного процесса, а также анализировать и прогнозировать развитие ситуации.

Данные качества прокурора требуют постоянного развития и совершенствования.

Не только перед судом, но и обычными гражданами, гособвинитель должен быть не только высокопрофессиональным специалистом, но и высоконравственным и культурным человеком. Граждане должны чувствовать сопереживания гособвинителя последствиям деяния, понимание им состояния не только потерпевшего, но и самого подсудимого. В нём они видят представителя государства, имеющего особое влияние на ход разбирательства и принятие решений.

Институт государственных обвинителей требует постоянного совершенствования. От прокуроров в суде требуется соблюдение принципа состязательности, поскольку в судебном разбирательстве прокурор – участник уголовного процесса.

Поэтому обучение государственных обвинителей строится на 4 основных принципах:

Первое, профессионализм – на всех стадиях обучения привлекаются эксперты и опытные практические сотрудники;

Второе, прозрачность – все процессы оценки, отбора, подготовки, мониторинга и контроля являются открытыми, прозрачными и доступными для обратной связи;

Третье, непрерывность – совершенствование навыков знаний гособвинителей осуществляется на постоянной основе;

И, четвертое, практикоориентированность – применяемые формы и методы подготовки направлены на совершенствование практических навыков с использованием инновационных подходов и технологий.

В этой связи нами разработан и используется при подготовке образовательных программ и практических заданий Паспорт компетенций государственного обвинителя. Помимо необходимых прокурору профессиональных качеств, паспортом предусмотрено владение гособвинителем ораторским мастерством и навыками психологических техник.

Роль прокурора в суде неопределима. Он действует от имени государства, являясь публичной фигурой формирует восприятие правосудия в глазах граждан. Для них государственный обвинитель – это не просто юрист. Это представитель государства. От него ждут обеспечения верховенства закона, справедливости и строгого соблюдения прав и свобод человека. Сегодня, когда судебные процессы транслируются в онлайн – режиме, работа прокурора стала абсолютно прозрачной. Это накладывает еще большую ответственность и требует высочайшего уровня профессионализма и нравственности.

В свете этих вызовов Академия уделяет особое внимание обучению будущих и действующих прокуроров. Наша цель – не просто передать знания, а привить им практические навыки с использованием самых современных, инновационных технологий.

Процесс подготовки включает в себя не только изучение материалов уголовного дела, но и отработку тактики поддержания государственного обвинения, анализа поведения участников. Специфика обучения обусловлена необходимостью работать в условиях состязательности сторон, что требует от

обвинителя умения выстраивать логичную и убедительную версию на основе представленных в суде доказательств.

Мы проводим **симуляционные тренинги**, где слушатели отрабатывают навыки в условиях, максимально похожих на настоящие судебные заседания. В качестве тренеров также выступают действующие судьи. Такой подход позволяет не только практиковаться, но и учиться у коллег, обмениваться опытом. Это делает обучение особенно ценным.

Профессорско – преподавательский состав Академии востребован и со стороны прокуроров областей. На постоянной основе поступают приглашения о проведении выездных тренингов по вопросам поддержания государственного обвинения, в особенности с участием присяжных заседателей. На таких мероприятиях принимают участие студенты юридических факультетов, выполняющие роль участников процесса и кандидатов в присяжные заседатели.

С прошлого года Академия использует новый метод обучения – тренинг в формате **квеста**.

Участники решают практические задачи, моделируют судебные процессы и совершенствуют навыки представления интересов государства.

Этот метод обучения имеет два главных преимущества: он учит работать в команде и соревноваться.

Когда участники эффективно взаимодействуют и делят между собой обязанности, они могут быстро мобилизоваться и решать поставленные перед ними задачи. Кроме того, такой формат помогает им оперативно реагировать на нарушения закона, вести конструктивный диалог с другими участниками процесса и избегать конфликтов, в том числе со СМИ.

Для проведения квеста на основе одного реального кейса разрабатываются задания, которые необходимо выполнить участникам в течении четко ограниченного времени. Время для выполнения одного задания может варьироваться от 10 до 20 минут. Общее время для проведения квеста – 4 часа. Участники делятся на три группы, две из которых выполняют задания, а третья – готовится к завершающей части квеста – подготовке вопросов для брифинга.

В течении этого времени можно отработать 5 заданий: ознакомиться с фабулой дела, подготовить сущность предъявленного подсудимому обвинения, предложение о порядке исследования доказательств в судебном следствии, возражения на ходатайства стороны защиты, план выступления в судебных прениях. По завершении первой части участники должны выбрать спикеров для публичной презентации выполненных заданий.

В ходе брифинга представители третьей команды выступают в качестве экспертов и задают заранее подготовленные вопросы с целью оказания психологической атаки на спикеров. Такой подход позволяет прокурором переосмыслить свое поведение и не допускать такие эмоции, как агрессия, недовольство, обида, разочарование и т.д. Привлечение профессионального психолога дает возможность изменить свое отношение к игротехнике и вернуться в реальную ситуацию.

Тренинг в формате квеста, равно как и симуляция судебных процессов представляет собой один из элементов ассесмент – центра – наблюдение не только за умением использовать свои знания и навыки профессиональной деятельности государственных обвинителей, но их умению контролировать свою речь и поведение в нестандартных ситуациях при публичном выступлении.

Когда участники эффективно взаимодействуют и делят между собой обязанности, они могут быстро мобилизоваться и решать поставленные перед ними задачи. Кроме того, такой формат помогает им оперативно реагировать на нарушения закона, вести конструктивный диалог с другими участниками процесса и избегать конфликтов, в том числе со СМИ.

Обучающей площадкой также становятся проводимые Генеральной прокуратурой во взаимодействии с Академией Форумы и конкурсы государственных обвинителей, на которых прокуроры обмениваются опытом по тактике поддержания обвинения по отдельным категориям уголовных дел, показывают мастер-классы ораторского искусства и т.д.

Уверена, что данное мероприятие на международном уровне является важнейшим фактором для повышения эффективности работы государственных обвинителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // <http://adilet.zan/kz>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК // <http://adilet.zan/kz>.
3. Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 2 июля 2025 года № 86 «Об утверждении Инструкции по организации представительства интересов государства в суде и надзора за законностью вступивших в законную силу судебных актов по уголовным делам».
4. Сапаралиева С.М., Джумаев А.С. Перспективы развития правоохранительной деятельности через науку и образование // Материалы Международного конгресса юристов «закон, право, справедливость в современном мире» – Косшы: Академия правоохранительных органов Республики Казахстан. - 2025. – С. 377-381.

А.О. Хамидов, Б.Ж. Гиёсов

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ
ПОДХОДЫ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**
*(на примере опыта Правоохранительной академии Республики
Узбекистан)*

Введение

Современный этап общественного развития характеризуется изменением информации и технологий, что принято называть переходом к эпохе Индустрии 4.0. В юридической сфере этот процесс получил определение «**Legal Services 4.0**» (Юридические услуги 4.0)³, которая подразумевает адаптацию правовой индустрии к цифровым инструментам, автоматизацию рутинных процессов и использование больших данных для повышения справедливости и эффективности правосудия.

Глобализация экономических процессов и трансграничный характер современной преступности диктуют новые требования к квалификации сотрудников правоохранительных органов. Традиционные методы подготовки, базирующиеся на статичных учебных планах, перестают отвечать динамике изменений в законодательстве и криминальных схемах. Как отмечают исследователи, цифровая трансформация в ведомственных вузах – это не просто оцифровка учебников, а создание принципиально новой **цифровой образовательной среды (ЦОС)**⁴, которая становится ключевым элементом обеспечения качества образования.

В Республике Узбекистан институциональным ответом на эти вызовы стал Указ Президента от 28 ноября 2022 года, который положил начало созданию новой, интегрированной системы подготовки кадров в сфере расследования преступлений на базе Правоохранительной академии. Данная реформа направлена на внедрение инновационных методик, позволяющих сотрудникам непрерывно обновлять свои компетенции без отрыва от служебной деятельности.

1. Теоретико-методологические основы цифровой трансформации

Фундаментальной проблемой традиционного ведомственного образования является преобладание «монологичной» модели, где знания транслируются от преподавателя к студенту в готовом, «застывшем» виде. В условиях цифровой трансформации такая парадигма демонстрирует своё снижение эффективности. Исследователи А.Д.Король и Ю.И.Воротницкий справедливо отмечают, что простой перенос лекций в онлайн-формат (например, синхронное обучение

³ Bakhranova, M., Kan, E., Khazratkulov, O., & Ruziev, R. (2023). Legal Services 4.0: Digital Transformation for Increased Fairness and Efficiency. *International Journal of Cyber Law*, 1(4).

⁴ Разбегаев П.В. Образовательная среда как элемент цифровой трансформации высшего образования России // Современные наукоемкие технологии. – 2024. (Электронный ресурс).

посредством видеоконференцсвязи) не обеспечивает достаточного уровня вовлеченности.⁵

Цифровая среда требует перехода к **диалогичному и эвристическому обучению**.⁶ В этой новой парадигме слушатель – будь то студент или действующий следователь – перестает быть пассивным потребителем информации. Он становится активным субъектом, создающим собственную «образовательную траекторию», формирует суждение, разрабатывает проект или квалифицирует деяние в интерактивном взаимодействии с цифровой средой.

Роль преподавателя в этой системе претерпевает кардинальные изменения. Из единственного источника истины он трансформируется в «**навигатора**», чья задача – помочь обучающемуся выстроить оптимальный маршрут в массиве профессиональной информации, предлагая кейсы и практические задания, а не готовые ответы.⁷

Данный теоретический подход нашел свое практическое воплощение в архитектуре образовательного процесса Правоохранительной академии. Реализуя принцип субъектности и выбора образовательной траектории, на сегодняшний день в Академии разработано и размещено на электронном портале **свыше 50 элективных курсов**, посвященных наиболее актуальным проблемам правоохранительной деятельности.

Важно отметить масштаб охвата данной инициативы: на этих курсах в режиме без отрыва от производства (on-the-job training) повышают свою квалификацию не только сотрудники органов прокуратуры, но и работники следственных подразделений и органов дознания других правоохранительных структур. Это создает единое образовательное пространство, способствующее унификации следственной практики и укреплению межведомственного взаимодействия.

2. Теория когнитивной нагрузки и микрообучение

Эффективность внедряемых в Академии цифровых решений базируется на **Теории когнитивной нагрузки (Cognitive Load Theory – CLT)**. Согласно исследованиям Баласундарамы, обучение должно быть спроектировано так, чтобы минимизировать «внешнюю когнитивную нагрузку» (*extraneous cognitive load*), создаваемую плохим дизайном или избытком информации, и максимизировать «релевантную нагрузку» (*germane load*), направленную на усвоение материала.⁸

⁵ Король А.Д., Воротницкий Ю.И. Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 6. – С. 48–61. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61.

⁶ Там же.

⁷ Стрельский М.Н., Нестеренков С.Н. Цифровая трансформация в образовании: проблемы и перспективы // Проблемы повышения эффективности образовательного процесса на базе информационных технологий: Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Минск: БГУИР. – С. 166–170.

⁸ Balasundaram, S., Mathew, J., & Nair, S. (2024). Microlearning and Learning Performance in Higher Education: A Post-Test Control Group Study. *Journal of Learning for Development*, 11(1), 1–14.

Именно CLT обосновывает переход к **микрообучению (microlearning)** – подаче материала краткими, сфокусированными модулями (3–5 минут). Это соответствует особенностям восприятия современного человека, обладающего фрагментированным вниманием, и позволяет интегрировать обучение в насыщенный рабочий график сотрудников правоохранительных органов.⁹

Практическая имплементация данных теоретических подходов в Академии реализована через цифровую экосистему «**ProAcademy**». Учитывая ограничения рабочей памяти и высокую загруженность сотрудников прокуратуры и следственных органов, образовательный контент на платформе структурирован в строгом соответствии с **парадигмой микрообучения «3С»**:¹⁰

- **Consumption (Потребление)**: Получение сжатой информации. В Академии это реализовано через предоставление доступа к коротким видео – лекциям, инфографике и нормативным обзорам в режиме 24/7. Сотрудник потребляет контент дозированно, не испытывая когнитивной перегрузки от многочасовых лекций.

- **Conceptualisation (Концептуализация)**: Связывание нового знания с практическим опытом. Данный этап обеспечивается через интерактивные симуляционные тренинги и кейс-методики на платформе, где слушатель должен применить полученную теорию к фабуле конкретного виртуального уголовного дела или ситуации.

- **Confirmation (Подтверждение)**: Мгновенная проверка знаний. Этот элемент внедрен непосредственно в рабочие процессы: в рамках системы электронного документооборота органов прокуратуры запущены инструменты ежедневного микро-тестирования. Это позволяет выявлять пробелы в знаниях (knowledge gaps) «здесь и сейчас» и автоматически корректировать индивидуальную траекторию обучения сотрудника.

Таким образом, переход от массивных учебных блоков к микро – форматам в Академии – является **стратегическим решением**, основанным на принципах управления когнитивным ресурсом правоохранителей для повышения их профессиональной эффективности.

3. Практическая реализация: Экосистема «ProAcademy»

Если теоретическая подготовка реализуется через микро – форматы, то практическое закрепление навыков требует создания безопасной симуляционной среды, что реализовано через сеть учебных полигонов. Для полноценной реализации принципа «**обучение через действие (learning by doing)**» в Правоохранительной академии была создана современная материально – техническая база. Инфраструктура включает криминалистические полигоны, специализированный киберполигон, лабораторию по изучению Даркнета и залы имитации судебных процессов. Эти объекты выступают физическим

⁹ Choudhary, P., & Potdar, P. (2024). The Impact of Microlearning on Employee Training and Development in Corporate Settings. *International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology*, 4(7), 192–197. DOI: 10.48175/IJARST-22671.

¹⁰ Balasundaram, S., Mathew, J., & Nair, S. (2024). Microlearning and Learning Performance in Higher Education: A Post-Test Control Group Study. *Journal of Learning for Development*, 11(1), 1–14.

продолжением цифровой среды, где сотрудники закрепляют теоретические микро – модули, отрабатывая навыки в условиях, максимально приближенных к реальным следственным ситуациям.

Центральным цифровым хабом системы выступает платформа дистанционного обучения «**ProAcademy**». На сегодняшний день это не просто система управления обучением (LMS), а масштабируемая экосистема с высокой активностью пользователей, обеспечивающая непрерывность профессионального развития. Ежедневно ресурсом пользуются свыше 1100 студентов бакалавриата и 1600 действующих сотрудников, а за последние три года через платформу прошли обучение около **140 000 слушателей**. Такие показатели подтверждают высокую пропускную способность и техническую устойчивость выбранной модели цифровой трансформации.

4. Анализ показателей эффективности внедрения

Стратегия Академии опирается на доказательную базу, подтверждающую эффективность дискретных образовательных форматов в борьбе с когнитивным эффектом «кривой забывания». Как отмечают исследователи, подача материала малыми дозами с интервальным повторением обеспечивает стратегическое закрепление информации и способствует ее глубокому освоению, что критически важно для формирования устойчивых профессиональных навыков.¹¹ Анализ данных показывает, что сотрудники предпочитают микро – форматы традиционным лекциям из – за их гибкости и доступности на мобильных устройствах.

Валидность модели подтверждается количественными метриками. Сравнительные исследования показывают, что формат микрообучения повышает вовлеченность обучающихся на **85%** и улучшает показатели удержания знаний (*knowledge retention*) на **75%** по сравнению с традиционными лекционными подходами.¹²

Реализуя эти данные на практике, Академия пошла по пути **глубокой интеграции** обучения в профессиональную деятельность. Образовательные модули были внедрены непосредственно в **систему электронного документооборота** органов прокуратуры. Это позволило реализовать принцип «learning in the flow of work» (обучение в потоке работы): сотрудник получает доступ к микро-тестам или кейсам прямо на рабочем месте, получая мгновенную обратную связь без необходимости переключения на сторонние ресурсы.

5. Иммерсивные технологии и искусственный интеллект: от симуляции к предиктивной аналитике

В условиях перехода к модели «**Legal Services 4.0**» процесс подготовки правоохранителей требует выхода за рамки традиционных методов передачи

¹¹ Тюнькова Д.Д., Тюньков В.В. Роль микрообучения в потенциале эффективности корпоративного образования // Экономика и предпринимательство. – 2025. – DOI: 10.26118/2782-4586.2025.24.65.049.

¹² Choudhary, P., & Potdar, P. (2024). The Impact of Microlearning on Employee Training and Development in Corporate Settings. International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology, 4(7), 192–197. DOI: 10.48175/IJARSCT-22671.

знаний. Современная цифровая дидактика настаивает на необходимости формирования прикладных компетенций в среде, имитирующей реальную профессиональную деятельность, что минимизирует риски ошибок в будущей практике.

Специфика следственной и прокурорской деятельности предполагает владение сложными алгоритмами: от осмотра места происшествия до квалификации преступления. Традиционное тестирование не способно полноценно оценить эти навыки. В этой связи, опираясь на исследования эффективности цифровых образовательных сред¹³, Академия внедрила **интерактивные симуляционные тренажеры**.

Подобные программные комплексы позволяют моделировать фабулу уголовного дела и требуют от обучающегося выбора методики расследования, составления процессуальных документов и принятия решений в виртуальной среде. В Академии этот подход реализован через создание виртуальных следственных кабинетов, где студент или слушатель взаимодействует с объектами и субъектами процесса. Это обеспечивает объективность аттестации, исключая субъективный фактор преподавателя и коррупционные риски при оценке знаний.

Второй вектор цифровой трансформации – внедрение искусственного интеллекта. М.Бахрамова подчеркивает, что интеграция технологий в правовые услуги (Legal Services 4.0) направлена на повышение справедливости и эффективности через автоматизацию и аналитику.¹⁴ В соответствии с данной тенденцией, Академия разработала и внедрила ряд ИИ – инструментов:

- **«Teacher AI»:** Интеллектуальная система мониторинга, выполняющая роль цифрового тьютора. Она анализирует активность слушателя и формирует персонализированные рекомендации по устранению пробелов в знаниях.

- **«Integrity AI Advisor» (модуль «Halolbek»):** Инновационный инструмент антикоррупционного воспитания. Согласно международным исследованиям Р. Хассела, традиционное обучение «знанию законов» недостаточно эффективно для предотвращения коррупции; необходимо воздействие на поведенческие установки (behavioral change).¹⁵ Модуль «Halolbek» моделирует этические дилеммы и коррупциогенные ситуации, консультируя пользователя в режиме реального времени. Это позволяет перейти от заучивания норм к формированию устойчивого антикоррупционного иммунитета.

6. Системные вызовы цифрового перехода

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации, процесс интеграции новых технологий в консервативную образовательную среду сталкивается с рядом объективных трудностей.

¹³ Разбегаев П.В. Образовательная среда как элемент цифровой трансформации высшего образования России // Современные наукоемкие технологии. – 2024. (Электронный ресурс).

¹⁴ Bakhramova, M., Kan, E., Khazratkulov, O., & Ruziev, R. (2023). Legal Services 4.0: Digital Transformation for Increased Fairness and Efficiency. International Journal of Cyber Law, 1(4).

¹⁵ Hassel, R., & von Salzen, L. (2025). Anti-Corruption Training for Aid Workers: An analysis of prevalence, structure and impact. International Anti-Corruption Academy (IACA) Research Paper Series, No. 14.

Ключевым вызовом остается цифровая грамотность профессорско – преподавательского состава. Исследования, проведенные в системе образовательных организаций МВД, показывают, что значительная часть педагогов, особенно старшего поколения, испытывает сложности с адаптацией к новым цифровым инструментам, что может тормозить внедрение инноваций.¹⁶ В Академии данная проблема решается через систему непрерывного внутреннего повышения квалификации (ToT – Training of Trainers) и внедрение моделей смешанного обучения (*blended learning*), где цифровые инструменты дополняют, а не замещают экспертный опыт преподавателя.

Существенным барьером для масштабирования иммерсивных практик остаются экономические факторы. Исследователи П.Дж.Си и А.Дэвис в своем обзоре подчеркивают, что высокоточные симуляционные системы (*high – fidelity simulations*), такие как VR и AR, требуют значительных капиталовложений, которые могут быть непосильны для бюджета многих правоохранительных ведомств. Высокая стоимость не только оборудования, но и разработки уникальных сценариев ограничивает повсеместное внедрение таких тренажеров, создавая риск технологического разрыва между центральными и региональными подразделениями¹⁷. В этой связи Академия фокусируется на поиске баланса между стоимостью внедрения и педагогической эффективностью технологий.

Вторым значимым аспектом является необходимость обеспечения баланса между технологической доступностью и информационной безопасностью, что требует постоянной актуализации внутренних регламентов в соответствии со стандартами цифровой гигиены.

8. Заключение

Опыт Правоохранительной академии Республики Узбекистан свидетельствует о том, что цифровая трансформация ведомственного образования – это не просто технологический апгрейд, а структурное изменение образовательной модели.

Отказ от «монологичной» модели трансляции знаний в пользу **диалогичного и эвристического обучения**, обоснованный в работах А.Д. Короля и Ю.И. Воротницкого¹⁸, позволил поставить обучающегося в центр процесса. Использование **микрообучения** (*microlearning*) обеспечило снижение когнитивной нагрузки и повышение усвояемости материала, что подтверждается ростом вовлеченности слушателей.

Внедрение иммерсивных симуляторов и систем на базе искусственного интеллекта позволяет готовить специалистов нового формата – адаптивных,

¹⁶ Кануков А.М., Кодзоков А.Х. О перспективах цифровизации образовательного процесса системы МВД России // Право и управление. – 2023. – № 3. – С. 125–129. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-3-125-129.

¹⁷ See, P. J., & Davies, A. (2024). How far have we advanced in simulation-based training for policing and law enforcement? A literature review 2014–24. *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 18.

¹⁸ Король А.Д., Воротницкий Ю.И. Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 6. – С. 48–61. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61.

обладающих критическим мышлением и готовых к работе в условиях «Legal Services 4.0». Дальнейшее развитие системы видится в углублении межведомственного цифрового взаимодействия и расширении функционала интеллектуальных образовательных систем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 ноября 2022 года № УП-257 «О внедрении качественно новой системы подготовки квалифицированных кадров в сфере расследования преступлений».

2. Постановление Президента Республики Узбекистан от 21 июня 2024 года № ПП-228 «О мерах по внедрению системы непрерывного повышения знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции».

3. **Balasundaram, S., Mathew, J., & Nair, S.** (2024). Microlearning and Learning Performance in Higher Education: A Post-Test Control Group Study. *Journal of Learning for Development*, 11(1), 1–14.

4. **Bakhramova, M., Kan, E., Khazratkulov, O., & Ruziev, R.** (2023). Legal Services 4.0: Digital Transformation for Increased Fairness and Efficiency. *International Journal of Cyber Law*, 1(4).

5. **Choudhary, P., & Potdar, P.** (2024). The Impact of Microlearning on Employee Training and Development in Corporate Settings. *International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology*, 4(7), 192–197. DOI: 10.48175/IJARST-22671.

6. **See, P. J., & Davies, A.** (2024). How far have we advanced in simulation-based training for policing and law enforcement? A literature review 2014–24. *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 18.

7. **Гусеян Г.О., Бондарева А.В., Химеденова Д.Н.** Проблемы внедрения дистанционных образовательных технологий в процесс получения образования осужденными в условиях цифровой трансформации // *Полицейская деятельность*. – 2024. – № 2. – DOI: 10.7256/2454-0692.2024.2.70215.

8. **Король А.Д., Воротницкий Ю.И.** Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века // *Высшее образование в России*. – 2022. – Т. 31, № 6. – С. 48–61. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61.

9. **Hassel, R., & von Salzen, L.** (2025). Anti-Corruption Training for Aid Workers: An analysis of prevalence, structure and impact. *International Anti-Corruption Academy (IACA) Research Paper Series*, No. 14.

10. **Разбегаев П.В.** Образовательная среда как элемент цифровой трансформации высшего образования России // *Современные наукоемкие технологии*. – 2024. (Электронный ресурс).

11. **Стрельский М.Н., Нестеренков С.Н.** Цифровая трансформация в образовании: проблемы и перспективы // *Проблемы повышения эффективности образовательного процесса на базе информационных*

технологий: *Материалы XII Международной научно-практической конференции.* – Минск: БГУИР. – С. 166–170.

12. **Тюнькова Д.Д., Тюньков В.В.** Роль микрообучения в потенциале эффективности корпоративного образования // *Экономика и предпринимательство.* – 2025. – DOI: 10.26118/2782-4586.2025.24.65.049.

13. **Кануков А.М., Кодзиков А.Х.** О перспективах цифровизации образовательного процесса системы МВД России // *Право и управление.* – 2023. – № 3. – С. 125–129. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-3-125-129.

Н.С. Джурсаев

ЦИФРОВОЙ СУД И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ИННОВАЦИИ И РИСКИ

В настоящей статье будут рассмотрены перспективы применения искусственного интеллекта в судопроизводстве и связанные с этим риски. Мы рассмотрим три ключевых аспекта: теоретические основы и научные дискуссии о возможности автоматизации правосудия, практические области применения искусственного интеллекта уже сегодня, а также завершим кратким обзором реформ в Узбекистане.

21 век характерен тем, что мир и технологии быстро меняются, появились новые общественные отношения, которые связаны с новыми информационными технологиями, цифровыми взаимоотношениями, онлайн – контрактами, цифровыми имущественными правами, или криптовалютой. Соответственно, растёт количество споров, меняется характер правоотношений. В таких условиях правосудие в традиционной форме, требующее времени, физического присутствия и огромного объёма бумажных документов, уже не отвечает запросам современного общества. Так, в 2025 году судами Узбекистана рассмотрены более чем 3 миллиона дел.

Соответственно, перед судебными системами встаёт вопрос: насколько и как искусственный интеллект может стать частью правосудия? И если да, то в какой роли?

В научном сообществе идёт активная дискуссия о возможности и допустимости использования искусственного интеллекта для разрешения споров. Существуют две противоположные позиции.

Сторонники максимальной автоматизации утверждают, что искусственный интеллект способен:

- обрабатывать огромные объёмы правовой информации быстрее человека;
- применять нормы права последовательно и единообразно, без эмоций и предубеждений;
- исключать человеческий фактор: усталость, субъективность, коррупцию;
- анализировать миллионы прецедентов и находить закономерности, труднодоступные человеческому разуму.

Профессор Ричард Саскинд в своей работе «Online Courts and the Future of Justice» (2019) прогнозирует, что в ближайшие десятилетия значительная часть споров будет разрешаться автоматизированными системами. Он отмечает, что технология уже позволяет создавать алгоритмы для разрешения типовых споров с минимальным участием человека.

Философы права выдвигают концепцию «человеческого достоинства в правосудии», согласно которой каждый человек имеет право быть выслушанным другим человеком, а не машиной. Автоматизированное правосудие лишает людей этого фундаментального права.

Следующий вопрос, требующий ответа, можно ли алгоритмизировать правосудие, можно ли перевести процесс принятия судебных решений в алгоритм?

Аргументы «за» алгоритмизацию:

Право, по своей сути, основано на правилах и судья применяет нормы закона к фактам дела. Этот процесс, теоретически можно формализовать следующим простым алгоритмом:

- ЕСЛИ произошли факты А, Б, В
- И применимы нормы закона X, Y, Z
- ТО следует решение D

Сторонники алгоритмизации указывают, что многие споры действительно разрешаются по такой схеме. Например, взыскание долга по договору займа при наличии письменной сделки или расписки и отсутствии доказательств возврата денег – это почти математическая операция.

Аргументы «против» алгоритмизации:

Противники указывают на фундаментальную проблему: право – это не только правила, но и их интерпретация, оценка доказательств, взвешивание интересов с точки зрения принципа справедливости.

Правовые нормы требуют интерпретации с учётом контекста, целей законодателя, принципов справедливости. Каждое дело уникально. Даже внешне похожие споры могут иметь нюансы, которые делают их принципиально разными. Алгоритм, обученный на прошлых делах, может не учесть этой уникальности.

Кроме того, современные системы искусственного интеллекта, особенно на основе глубокого обучения, работают как «чёрный ящик», и никто не может объяснить, как алгоритм пришел к тому или иному мнению принял.

В судебной системе такое положение недопустимо, так как в право на справедливое судебное разбирательство включает право знать основания решения, что закреплено статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и соответствующих национальных законах.

Кроме того, есть моральные и этические пределы автоматизации судопроизводства, особенно когда это касается лишения или ограничения человека в правах и свободах через государственный принудительный аппарат. Так, морально ли давать роботу или алгоритму судить человека за какое-либо деяние?

Ведь правосудие – это не только применение правил, но и моральный акт. Судья не просто интерпретирует закон и оценивает факты, он берёт на себя моральную ответственность за судьбу человека.

Может ли робот нести моральную ответственность? Очевидно, нет. Следовательно, автоматизированное решение всегда должно подлежать проверке человеком, который берёт на себя эту ответственность.

Таким образом, при рассмотрении внедрения искусственного интеллекта можно обозначить следующие выводы:

1. ИИ может быть полезным инструментом, но не заменой судьи, особенно при рассмотрении дел, по итогам которых человек может быть ограничен в правах или свободах.

2. Существуют категории дел, где автоматизация возможна и желательна.

3. Существуют категории дел, где автоматизация недопустима (дела о лишении свободы, родительских правах, сложные моральные дилеммы).

4. Ключевой принцип: окончательное решение должен принимать человек, несущий ответственность.

5. Необходимы правовые гарантии: право на проверку алгоритма, право на разъяснение решения, право на обжалование к человеку – судье.

Таким образом, полагаем, что искусственный интеллект должен расширять возможности судей, а не заменять их. Технология должна служить правосудию, а не наоборот.

Если посмотреть на практику, то можно отметить, что определённые уже разрешаются роботами. Перед нами стоит задача, насколько возможно расширение такой практики и решение каких дел можно передать искусственному интеллекту.

Не все споры одинаковы, но можно выделить критерии, по которым определяются, подходит ли дело для автоматизации:

- однозначность фактов Факты должны быть объективно установлены и не требовать оценки. Например: показания датчика скорости, запись с видеокамеры, электронная подпись на договоре.

- простота правоприменения Применимая норма права должна быть чёткой, не требующей сложной интерпретации. Например: «Превышение скорости более чем на 20 км/ч влечёт наложение штрафа X».

- типовой характер спора Дело должно относиться к массовой категории однотипных споров, где уже сформирована устойчивая практика.

низкая цена ошибки Последствия возможной ошибки не должны быть катастрофическими для человека. Ошибочный штраф на 500 тысяч сум – это неприятно, но не сравнимо с ошибочным лишением свободы.

Классический и наиболее успешный пример применения робота в рассмотрении дела это автоматическая фиксация нарушений правил дорожного движения и наложения денежных штрафов.

Следующий пример это споры о защите прав потребителей по типовым договорам, таким как транспортные услуги.

Например, при задержке авиарейса более чем на 3 часа по закону пассажир имеет право на компенсацию и исковые требования по таким фактам могут быть автоматически разрешены роботами. Искусственный интеллект может автоматически получить данные о задержке из системы аэропорта, идентифицировать пассажиров рейса, рассчитать компенсацию по формуле закона и вынести решение о взыскании с авиакомпании, и взыскать через банковский счет авиакомпании.

Некоторые административные споры также подходят для автоматизации. Например, споры о социальных выплатах. Гражданин обращается за пособием.

Требуется проверить соответствие критериям (доход ниже прожиточного минимума, состав семьи, и т.д.). ИИ может проверить данные в государственных базах автоматически, рассчитать право на пособие и вынести решение о назначении или отказе

При этом, всегда должна быть возможность оспорить автоматическое решение перед судьей – человеком.

Следует отметить, что есть существуют категории дел, где автоматизация недопустима или крайне ограничена. К таким делам можно отнести следующие:

- уголовные дела Вопросы виновности, назначения наказания, лишения свободы требуют человеческого суждения. Слишком высокая цена ошибки.

- дела, требующие оценки достоверности показаний ИИ не может оценить, говорит ли свидетель правду. Это требует человеческой интуиции, наблюдения за поведением.

- дела, требующие моральной оценки. Например, семейные споры о воспитании детей.

- дела с высокой степенью неопределённости, когда применяемая норма требует оценочных понятий («разумность», «добросовестность», «справедливость»).

С учетом изложенного, полагаем, что самой оптимальной моделью применения искусственного интеллекта в осуществлении правосудия является гибридная модель, при которой допускается полная автоматизация рассмотрения простых, типовых, массовых споров с низкой ценой ошибки (нарушение правил дорожного движения, бесспорные долги, типовые потребительские споры, типовые административные дела касательно пенсий, социальных пособий и т.п).

При этом, искусственный интеллект может быть применен как помощник судьи при рассмотрении других категорий дел, когда искусственный интеллект анализирует дело, ищет необходимую информацию в государственных базах данных, подготовит проекты документов, но судья проверяет проекты, выполняет другие процессуальные действия, и принимает окончательное решение.

Самые сложные и важные дела (тяжкие преступления, конституционные споры, прецедентные дела), а также дела в вышестоящих инстанциях рассматриваются непосредственно судьями.

Такая модель позволяет разгрузить судебную систему от рутинных дел, сосредоточить ресурсы на сложных делах и ускорить правосудие для граждан.

Теперь хотелось бы остановиться на опыте Узбекистана в вопросах цифровизации суда и внедрения искусственного интеллекта в правосудие. За последние годы судебная система Узбекистана прошла значительный путь цифровой трансформации. Впервые система электронного судопроизводства была внедрена еще в 2008 году в системе хозяйственных судов, которая предусматривала участие в суде через видеоконференцсвязи. В последующем эта система была внедрена во всех судах и получила свое дальнейшее развитие.

Сегодня граждане нашей страны могут подавать иски через платформу e-sud.uz, не выходя из дома. Портал my.sud.uz предоставляет доступ к персональным кабинетам, где можно отслеживать движение дела. Участвовать в судебных заседаниях можно виртуально через систему видеосвязи. Судебные решения публикуются в электронном виде и доступны для ознакомления онлайн. Портал my.sud.uz предоставляет гражданам персональный кабинет для отслеживания статуса своих дел и получения различных судебных услуг.

Цифровизация судебной системы не стоит на месте. 21 августа 2025 года Президент Республики Узбекистан подписал Указ за номером УП – 140, который открывает совершенно новый этап цифрового развития судебной системы.

Этим документом предусмотрено внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность судов и создание концепции «Цифровой суд».

Основная идея состоит в том, чтобы освободить судей от рутинной работы с документами и дать им возможность сосредоточиться на главном – на вынесении справедливых решений.

Указ Президента определяет 7 приоритетных целей, которые должны быть достигнуты в ближайшие годы.

Первая цель – это поэтапный полный переход на электронную форму ведения дел на основе концепции «Цифровой суд». Это означает отказ от бумажной формы документооборота в судопроизводстве. Каждое дело будет вестись исключительно в цифровом формате, что существенно ускорит процессы и снизит бюрократическую нагрузку на судебную систему.

Вторая цель заключается в значительном увеличении видов интерактивных электронных услуг для граждан и субъектов предпринимательства. Планируется создать возможность получить копии с судебных актов, организовать электронное ознакомление с материалами судебных дел, обеспечить автоматическое установление подведомственности и подсудности заявлений, расчет судебных расходов с помощью искусственного интеллекта.

Третья цель связана с созданием необходимой технической инфраструктуры для внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность судов. Это включает не только закупку современного оборудования и программного обеспечения, но и принятие мер по совершенствованию нормативно – правовой базы в этом направлении.

Четвертая цель предусматривает разработку и внедрение в практику модуля архива судебных актов на базе информационных систем Верховного суда. Этот цифровой архив позволит обеспечить долгосрочное хранение всех судебных решений и быстрый доступ к ним для анализа судебной практики, подготовки обобщений и формирования единообразного подхода к разрешению споров.

Пятая цель касается научных исследований и повышения квалификации. Планируется проведение исследований по цифровизации деятельности судов

по направлению «Кибер-право», а также постоянное повышение цифровой грамотности и квалификации судей и работников аппаратов судов.

Шестая цель направлена на повышение эффективности деятельности экономических судов путем оптимизации их структуры и формирования единой судебной практики.

Седьмая цель предполагает поэтапную организацию залов судебных заседаний на основе концепции «Цифровой суд», создание благоприятных и современных условий для населения и судей.

Концепция «Цифровой суд» представляет собой комплексную систему, которая изменит весь судебный процесс от начала до конца. Давайте рассмотрим, как это будет выглядеть на практике.

Представьте себе гражданина, у которого возник спор, требующий судебного разбирательства. Сегодня он заходит на портал e-sud.uz, подает иск и ждет развития событий, не зная заранее, какой может быть результат и сколько это будет стоить. В рамках концепции «Цифровой суд» ситуация кардинально меняется. Еще до подачи заявления в суд гражданин сможет воспользоваться специальным модулем на обновленном портале my.sud.uz, где искусственный интеллект проанализирует его ситуацию. Система изучит похожие дела, рассмотренные ранее, учтет конкретные обстоятельства спора и предоставит прогноз возможного результата. Например, система может показать, что в восьмидесяти процентах аналогичных случаев суды принимали решение в пользу истца. Одновременно искусственный интеллект рассчитает предполагаемые судебные расходы с учетом госпошлины, оплаты экспертиз и других затрат. Получив эту информацию, гражданин сможет принять взвешенное решение – подавать ли иск или попытаться решить вопрос мирным путем.

Если принято решение обращаться в суд, процесс подачи заявления становится еще проще. Система e-sud.uz с помощью искусственного интеллекта мгновенно проверит правильность заполнения всех документов, автоматически определит, в какой именно суд следует обращаться с данным спором, и рассчитает точную сумму государственной пошлины. Гражданин сможет сразу же оплатить все необходимые платежи в электронной форме и получить моментальное подтверждение о принятии его заявления к рассмотрению.

В зале судебного заседания, оборудованном по концепции «Цифровой суд», появятся новые возможности. Искусственный интеллект будет в режиме реального времени преобразовывать устную речь участников процесса в текстовый протокол. Все материалы дела будут отображаться на больших экранах, что позволит всем присутствующим видеть обсуждаемые документы. Стороны смогут в любой момент через свои личные кабинеты ознакомиться со всеми материалами дела в электронной форме.

После окончания судебного заседания искусственный интеллект на основе протокола, материалов дела и применимых норм права автоматически подготовит проект судебного решения. Важно понимать, что это именно

проект, который судья обязательно проверит, отредактирует при необходимости и примет окончательное решение.

Когда решение вынесено, оно автоматически публикуется на портале my.sud.uz. Все стороны мгновенно получают уведомления о вынесении решения. Если решение подлежит принудительному исполнению, исполнительный лист автоматически направляется в службу судебных исполнителей без каких – либо дополнительных действий со стороны взыскателя. Все документы по делу сохраняются в электронном архиве, откуда их в любой момент можно скачать.

Именно такой подход – когда искусственный интеллект берет на себя всю техническую работу, а судья концентрируется на правовой оценке и принятии решения – лежит в основе концепции «Цифровой суд».

Также, предусматривается запуск платформы по анализу нормативно – правовых актов. Эта платформа будет доступна не только судьям, но и обычным гражданам, адвокатам и юристам. С помощью искусственного интеллекта пользователи смогут быстро находить нужные правовые нормы, анализировать их взаимосвязь и получать разъяснения по применению законодательства.

Граждане смогут задавать правовые вопросы в любое время суток и получать квалифицированные ответы. Система будет автоматически обрабатывать обращения и выдавать необходимые судебные данные.

Успешная реализация Указа и внедрение технологий искусственного интеллекта в условиях глубокой цифровизации судопроизводства знаменуют собой переход судебной системы Узбекистана к новой модели правосудия – более эффективной, открытой и ориентированной на будущее.

Ч.А. Мусабекова

ДОСТУП К ОБРАЗОВАНИЮ И ПОЛУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ И СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ

В последние годы в центре внимания правительства, общества, экспертов в Кыргызской Республике (далее – КР) все чаще оказываются вопросы взаимоотношения религии и образования, проблемы реализации права на свободу совести и вероисповедания и права на образование.

Конституция КР¹⁹ в равной степени гарантирует каждому право на образование и свободу совести и вероисповедания, при этом запрещает дискриминацию по признаку религиозной принадлежности (ч.1 ст.23, 34, 46). Рассмотрим два аспекта этой проблемы, в частности, (1) право на доступ к государственной системе образования детей из религиозных семей и (2) право на получение религиозного образования.

В повседневной жизни граждане используют религиозную атрибутику в соответствии со своими желаниями и убеждениями, однако вопрос ношения религиозной одежды в школах вызывает споры относительно границ свободы совести и вероисповедания и светского характера школьных образовательных учреждений. Так, в КР имели место случаи, когда родители не отправляли детей в школу из – за требования носить единую школьную форму, куда платок не вписывается; не разрешали по религиозным соображениям своим детям посещать некоторые обязательные предметы (например, физкультуру, рисование, музыку)²⁰.

Получение образования является одним из прав человека: «каждый человек имеет право на образование» (ст.26 Всеобщей декларации прав человека). Далее это право было развито в положениях различных международных договоров (Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г.; Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (МПГПП); Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (МПЭСКП); Конвенции о правах ребенка 1989 г. и др.). КР присоединился ко всем вышеуказанным международным договорам²¹.

¹⁹ См.: Конституция КР, принятая референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года (введена в действие Законом КР от 5 мая 2021 года) (далее - Конституция КР). // <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru>

²⁰ См.: Отчет «Мониторинг судебных разбирательств, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания в Кыргызской Республике. Результаты мониторинга – 2018 год» (под общ.ред. Мусабековой Ч.А.). МНК «Поиск общих интересов». Бишкек, 2019. С.34-36. // https://documents.sfcg.org/wp-content/uploads/2019/10/Report_on_the_results_of_court_cases_monitoring_of_the_status_of_freedom.pdf /; «В Кыргызстане 128 детей не ходят в школы из-за религиозных родителей». // <https://barometr.kg/index.php/v-kyrgyzstane-128-detej-ne-hodyat-v-shkolu-iz-za-religioznyh-roditelej>

²¹ КР присоединилась: к Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования постановлениями ЗС Жогорку Кенеша КР от 8 июня 1995 года З N132-1 и СНП Жогорку Кенеша КР от 10 июня 1995 года П N96-1 //

Разрешение обозначенных выше проблем достаточно сложно в виду того, что в нем пересекаются ряд таких основных прав человека, как: право на свободу совести, мысли и религии, в том числе убеждения (ст. 18 МПГПП); право на образование (ст. 13 МПЭСКП); право родителей на религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями (п. 4 ст. 18 МПГПП); равноправие детей и недопустимость любых форм дискриминации и разделения (ст. 2 Конвенции ООН о правах ребенка); приоритет интересов ребенка при решении любого вопроса, касающегося детей, так называемый принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка); право на меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства (ст. 24 МПГПП).

Согласно конституционным принципам современная система образования в КР основана на конституционных началах светскости. В литературе понятие светскость образования в образовательных учреждениях раскрывается в нескольких значениях, как недопустимость: установления какого – либо мировоззрения, в т.ч. религиозного, в качестве обязательного в государственных и муниципальных образовательных учреждениях; принуждения при обучении религии, к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем; проведения в государственных и муниципальных образовательных учреждениях религиозных обрядов, а также обеспечение прав обучающихся и преподавателей на свободу совести и слова²².

Правовой механизм реализации конституционного права на образование закреплен и развит в Законе КР «Об образовании», где в статье 4 говорится, что «каждый в Кыргызской Республике имеет право на образование независимо от пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств»²³.

Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях в Кыргызской Республике»²⁴ не регулирует вопросы ношения религиозной атрибутики в средних образовательных учреждениях. Вместе с тем, в статье 6 этого Закона КР «содержатся важные положения о доступе к системе образования, в частности, доступ к различным видам и уровням образования предоставляется независимо от их отношения к религии.

<https://cbd.minjust.gov.kg/6-2604/edition/319961/ru> и <https://cbd.minjust.gov.kg/6-1456/edition/318703/ru>; к Конвенции о правах ребенка постановлением Жогорку Кенеша КР от 12 января 1994 года N 1402-XII // <https://cbd.minjust.gov.kg/6-1608/edition/318862/ru>; к Международным пактам о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах постановлением Жогорку Кенеша КР от 12 января 1994 года № 1406-XII // <https://cbd.minjust.gov.kg/50679/edition/318866/ru>

²² См. Ерышева В.А., Хлысталова Н.Ю. Религиозность и правовые аспекты формирования светскости в системе образования // Ученые записки Орловского государственного университета. - 2013. - №4 (54). - С.179-182. // <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznost-i-pravovye-aspekty-formirovaniya-svetskosti-v-sisteme-obrazovaniya/viewer>.

²³ См. статью 4 Закона КР «Об образовании» от 11 августа 2023 года № 179 // <https://cbd.minjust.gov.kg/4-3419/edition/1273902/ru>

²⁴ См. Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях в Кыргызской Республике» от 21 января 2025 года № 18 // <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5465/edition/25082/ru>

В Законе КР «Об образовании» также нет прямого запрета на ношение в образовательных учреждениях религиозной атрибутики и одежды. При этом, в КР действуют «Единые требования к школьной форме в учащихся 1-11 классов общеобразовательных организаций Кыргызской Республики» (далее – Единые требования)²⁵. Данные Единые требования распространяются на всех обучающихся без исключения, вне зависимости от вероисповедания. В то же время в них нет каких-либо требований либо запрета относительно головного убора. Есть запрет на ношение спортивной одежды и обуви, джинсовой одежды, пляжной, домашней одежды и обуви; требования относительно длины юбки, цветовой гаммы (п.3,4 Единых требований).

Право на образование не исключает применение дисциплинарных мер, в том числе отчисления с целью обеспечить соблюдение внутренних правил образовательного учреждения. Обучающиеся обязаны соблюдать и выполнять устав общеобразовательной организации; выполнять требования общеобразовательной организации по соблюдению правил внутреннего распорядка, в том числе и требования к школьной одежде.

При этом, важно отметить, что согласно части 2 статьи 10 Кодекса КР «О детях»²⁶ отчисление ребенка из государственной или муниципальной образовательной организации до получения им основного образования не допускается, т.е. до завершения 9 класса. Тем самым, исключение обучающегося до завершения 9 класса, в том числе за несоблюдение правил о школьной одежде, недопустимо.

Безусловно, применение дисциплинарных наказаний является неотъемлемой частью образовательного процесса, с помощью которого школа пытается достигнуть цели, для которых она создана, в том числе развития и формирования личности и духовных качеств учеников. Однако, введенные ограничения в виде отчисления из школы не должны привести к тому, чтобы нарушалась бы сама сущность права на образование и терялась его эффективность. Эти ограничения должны быть предсказуемы для заинтересованных лиц и преследовать законную цель.

Право на образование учащихся не должно подвергаться ограничению из-за возникшего противостояния между администрацией образовательных учреждений и родителями учащихся, где каждая сторона ставит свои ценности и принципы выше получения образования. В то же время обе стороны должны помнить и понимать, что основой конституционного строя КР является светскость государства, и соответственно, должны должным уважением относиться к установленным нормам и принципам Конституции КР.

При этом, еще одним главным конституционным принципом является принцип обеспечения наилучших интересов ребенка (ч.2 ст.27 Конституции КР), в т.ч. и обеспечение права детей на образование. Любые действия

²⁵ См. Постановление Правительства КР от 12 августа 2015 года № 572 «О введении Единых требований к школьной форме в учащихся 1-11 классов общеобразовательных организаций Кыргызской Республики». // <https://cbd.minjust.gov.kg/97897/edition/686430/ru?anchor=p1>

²⁶ См. Кодекс КР «О детях» от 10 июля 2012 года № 100 // <https://cbd.minjust.gov.kg/203700/edition/1208810/ru>

государственных органов под предлогом защиты национальной безопасности, общественного порядка, нравственности, здоровья населения и прав других лиц не могут быть оправданы, если они чрезмерно, непропорционально ограничивают права детей на образование.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ношение религиозной атрибутики не должно стать барьером для получения образования и всякие решения руководства образовательных учреждений, запрещающие посещение школы из-за ношения платка, являются препятствием для реализации прав граждан на получение образования.

Другая проблема, которая связана с доступом к образованию детей из религиозных семей, это:²⁷ отказ родителей отправлять своих детей в школу, т.к. там требуют ношение единой школьной формы, куда, к примеру, религиозный платок не вписывается; родители не разрешают своим детям посещать урок рисования, т.к. заставляют детей рисовать людей и животных, а их вера запрещает их рисовать, но можно рисовать пейзажи и натюрморты, уроки музыки и физкультуры, т.к. родители против того, чтобы мальчики и девочки танцевали или выполняли физические упражнения вместе.

Однако, в КР основное общее образование обязательно, т.е. получение основного общего образования — это не право, а обязанность (ст. 46 Конституции КР). Согласно же статьям 8 (п.4 ч.4) и 27 (ч.2) Закона КР «Об образовании» не только начальное общее и основное общее образование являются обязательными уровнями образования для всех граждан КР, но и среднее общее образование. И эта обязанность возложена на родителей или на лиц, их заменяющих.

Согласно части 5 статьи 39 Закона КР «Об образовании» обучающиеся обязаны освоить образовательные программы на уровне требований государственных образовательных стандартов, т.е. независимо от вероисповедания обучающиеся должны выполнить учебный план общеобразовательного учреждения, в котором они обучаются. К тому же, документ об образовании государственного образца обучающийся может получить только, если он полностью освоит общеобразовательную программу и выдержит итоговую государственную аттестацию.

В то же время родители имеют право на религиозное и моральное воспитание своих детей в соответствии с их собственными убеждениями (ст.18 ВДПЧ; п.4 ст.18 МПГПП). Исходя из этого, право родителей относительно выбора школы должно соблюдаться двояко: с одной стороны, родители, имеющие отличные религиозные или философские убеждения, должны иметь возможность выбирать частные школы в зависимости от определенных моральных, религиозных или светских ценностей. Если таких школ нет, родители должны иметь право учреждать их (ст. 13.3 МПЭСКП, ст. 2

²⁷ См. Уланова Б. Про светскость забыли? Чубак ажы предложил раздельное обучение и форму с платками. // https://kaktus.media/doc/378948_pro_svetskost_zabyli_chybak_ajy_predlozil_razdelnoe_obychenie_i_formy_s_platka_mi.html

Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования); а с другой стороны – религиозные или философские убеждения родителей должны уважаться в самих государственных школах. В то же время государство должно «защищать детей некоторых родителей от принудительного религиозного или философского обучения, которое не направлено на предоставление информации, но имеет своей целью внушение детям неприемлемых верований, убеждений или идеологии.²⁸

Таким образом, очевидно, что право детей на образование приоритетно и в наилучших их интересах, чем единая школьная форма либо совместное обучение мальчиков и девочек, в т.ч. на уроках музыки и физкультуры, рисование животных и людей. Соответственно, запрет родителей на посещение школы или отдельных обязательных предметов без обеспечения альтернативы, лишает ребенка право на образование и является злоупотреблением родительскими правами.

Второй аспект взаимоотношения религии и образования касается права на получение религиозного образования. Религиозное образование представляет собой пограничную область реализации права на образование и на свободу вероисповедания. Как уже говорилось выше, оба права относятся к правам человека и имеют конституционную основу, при осуществлении которых на практике возникают проблемы их соблюдения, отличающиеся конфликтогенностью.²⁹

Этому способствует и сложная система нормативно-правового регулирования данной сферы общественных отношений, включающая как внутреннее законодательство, так и международно-правовые нормы. В свою очередь, внутреннее законодательство представлено сразу двумя отраслями законодательства КР – о свободе вероисповедания и религиозных объединениях (1) и об образовании (2).

Согласно статье 6 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях в Кыргызской Республике» религиозное образование осуществляется в двух формах: (1) профессионального специального религиозного (духовного) образования и (2) краткосрочных религиозных курсов для совершеннолетних и несовершеннолетних лиц.

Порядок предоставления религиозного образования в РУЗ утвержден постановлением Кабинетом Министров КР от 27 июня 2025 года № 372.³⁰

²⁸ Такое толкование статьи 2 Протокола №1 к ЕКПЧ дано Европейской комиссией и Европейским судом по правам человека. См. Коделя З., Басслер Т. Религия и школа в открытом обществе: информационная основа для диалога. Любляна (Словения), 2004. С.16-17. // https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/5a088dc7-467d-4d0c-85e0-b32b7ca72a15/z_religion_russian_20041201_0.pdf

²⁹ См.: Трошкина Т.Н. Религиозное образование в России: тенденции современной правоприменительной практики. Ежегодник российского образовательного законодательства. Том 16. 2021 г. // <https://lexed.ru/ezhegodnik-rossiyskogo-obrazovatel'nogo-zakonodatelstva/book/tom16/religioznoe-obrazovanie-v-rossii-tendentsii-sovremennoy-pravoprimenitelnoy-praktiki/>

³⁰ См. Порядок предоставления религиозного образования в Кыргызской Республике (Приложение 2 к постановлению Кабинета Министров КР от 27 июня 2025 года № 372 «О некоторых вопросах регулирования религиозной деятельности») // <https://cbd.minjust.gov.kg/230029176/edition/34349/ru?lang=ru>

Профессиональное религиозное (духовное) образование реализуется только религиозными учебными заведениями (РУЗ) на основе утвержденных учредителем (учредителями) программ обучения, а краткосрочные религиозные курсы для *совершеннолетних лиц* также и религиозными организациями на основе утвержденных учредителем (учредителями) РУЗ, центральным органом управления религиозных организаций и соответствующими органами религиозных организаций программ обучения, содержание которых должно быть одобрено положительным заключением религиозоведческой экспертизы уполномоченного государственного органа по делам религий. А краткосрочные религиозные курсы для *несовершеннолетних лиц* реализуются во внеучебное время по программам дополнительного образования в порядке, установленном законодательством КР об образовании.

При этом, в соответствии с частью 5 статьи 6 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях в КР» высшие и средние РУЗ должны принимать граждан на обучение после получения ими обязательного образования в соответствии с Конституцией КР, т.е. после 9 класса, т.к. получение основного общего образования является обязательным (ч.2 ст.42 Конституции КР).

РУЗ выдают документы об образовании и полученной выпускниками квалификации, форма которых устанавливается самими религиозными организациями. Дипломы о религиозном образовании дают им право трудоустроиться в соответствии со своей специальностью только в соответствующих религиозных или общественных организациях. При этом, документ об окончании среднего РУЗ не позволит его выпускникам поступить на другие уровни образования по системе образования КР, кроме религиозных.

И в этой связи часто задают вопрос – относится ли религиозное образование к образовательной деятельности по смыслу Закона КР «Об образовании»? Ответ – нет, поскольку:

1) РУЗ не входит в систему образования КР согласно законодательству об образовании (ч. 3 ст. 6 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях в Кыргызской Республике»);

2) образовательная деятельность в КР осуществляется на основании государственных образовательных стандартов, которые обязательны для выполнения всеми образовательными организациями независимо от форм собственности и/или лицензии на образовательную деятельность, которая входит в лицензируемые виды деятельности (ст. 9 Закона КР «Об образовании», п.56 ст.15 Закона КР «О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике»³¹).

Тем самым, профессиональное религиозное образование в КР является объектом регулирования исключительно нормами законодательства о свободе вероисповедания и религиозных объединениях. Соответственно, оно не

³¹ См. Закон КР «О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике» от 19 октября 2013 года № 195 // <https://cbd.minjust.gov.kg/205058/edition/5583/ru>

относится к образовательной деятельности по смыслу Закона КР «Об образовании», требующего лицензирования.

Другой вопрос – вправе ли образовательные религиозные организации осуществлять образовательную деятельность по смыслу Закона КР «Об образовании» и получить лицензию на его ведение? Такое право предусмотрено в части 5 статьи 23 Закона КР «Об образовании», где говорится, что религиозные организации вправе получить лицензию на ведение образовательной деятельности, если будут выполнены следующие условия: религиозная организация должна быть образовательной (1); дано согласие уполномоченного государственного органа по делам религий (2); выполнены требования, установленные законодательством о лицензировании (3).

Из системного толкования вышеуказанных норм, следует, что религиозные организации вправе создавать образовательные организации для ведения образовательной деятельности по смыслу Закона КР «Об образовании» с получением согласия, лицензии и аккредитации в соответствующем порядке, которая должна осуществляться исключительно в соответствии с Законом КР «Об образовании», а их религиозная образовательная деятельность – в соответствии с нормами Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях КР».

Таким образом, получить профессиональное религиозное образование в КР можно в религиозных учебных заведениях, созданных и зарегистрированных в установленном Законом КР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях в КР», документ об окончании которого позволяет трудоустроиться в соответствии со своей специальностью в соответствующих религиозных или общественных организациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Конституция КР, принятая референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года (введена в действие Законом КР от 5 мая 2021 года) (далее - Конституция КР). // <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru>.

2. Отчет «Мониторинг судебных разбирательств, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания в Кыргызской Республике. Результаты мониторинга – 2018 год» (под общ. ред. Мусабековой Ч.А.). МНК «Поиск общих интересов». Бишкек, 2019. С.34-36. // https://documents.sfcg.org/wp-content/uploads/2019/10/Report_on_the_results_of_court_cases_monitoring_of_the_status_of_freedom.pdf/.

3. «В Кыргызстане 128 детей не ходят в школы из-за религиозных родителей». // <https://barometr.kg/index.php/v-kyrgyzstane-128-detej-ne-hodyat-v-shkolu-iz-za-religioznyh-roditelej>.

4. Постановление Собрания народных представителей Жогорку Кенеша КР от 10 июня 1995 года П №96-1 «О присоединении Кыргызской Республики к

Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования». // <https://cbd.minjust.gov.kg/6-2604/edition/319961/ru>.

5. Постановление Законодательного собрания Жогорку Кенеша КР от 8 июня 1995 года З N132-1 «О присоединении Кыргызской Республики к Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования». // <https://cbd.minjust.gov.kg/6-1456/edition/318703/ru>.

6. Постановление Жогорку Кенеша КР от 12 января 1994 года N 1402-ХП «О присоединении к Конвенции о правах ребенка» // <https://cbd.minjust.gov.kg/6-1608/edition/318862/ru>.

7. Постановление Жогорку Кенеша КР от 12 января 1994 года № 1406-ХП «О присоединении Кыргызской Республики к международным договорам по правам человека // <https://cbd.minjust.gov.kg/50679/edition/318866/ru>.

8. Ерышева В.А., Хлысталова Н.Ю. Религиозность и правовые аспекты формирования светскости в системе образования // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. - № 4 (54). - С.179-182. // <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznost-i-pravovye-aspekty-formirovaniya-svetskosti-v-sisteme-obrazovaniya/viewer>.

9. Закон КР «Об образовании» от 11 августа 2023 года № 179 // <https://cbd.minjust.gov.kg/4-3419/edition/1273902/ru>.

10. Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях в Кыргызской Республике» от 21 января 2025 года № 18 // <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5465/edition/25082/ru>.

11. Постановление Правительства КР от 12 августа 2015 года № 572 «О введении Единых требований к школьной форме в учащихся 1-11 классов общеобразовательных организаций Кыргызской Республики» // <https://cbd.minjust.gov.kg/97897/edition/686430/ru?anchor=p1>.

12. Кодекс КР «О детях» от 10 июля 2012 года № 100 // <https://cbd.minjust.gov.kg/203700/edition/1208810/ru>.

13. Уланова Б. Про светскость забыли? Чубак ажы предложил раздельное обучение и форму с платками. // https://kaktus.media/doc/378948_pro_svetskost_zabyli_chybak_ajy_predlozil_razdelnoe_obychenie_i_formy_s_platkami.html.

14. Коделя З., Басслер Т. Религия и школа в открытом обществе: информационная основа для диалога. Любляна (Словения), 2004. С.16-17. // https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/5a088dc7-467d-4d0c-85e0-b32b7ca72a15/z_religion_russian_20041201_0.pdf.

15. Порядок предоставления религиозного образования в Кыргызской Республике (Приложение 2 к постановлению Кабинета Министров КР от 27 июня 2025 года № 372 «О некоторых вопросах регулирования религиозной деятельности») // <https://cbd.minjust.gov.kg/230029176/edition/34349/ru?lang=ru>.

16. Закон КР «О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике» от 19 октября 2013 года № 195 // <https://cbd.minjust.gov.kg/205058/edition/5583/ru>.

Когамов М.Ч.

ОБВИНЕНИЕ, ЗАЩИТА ОТ ОБВИНЕНИЯ, РАЗРЕШЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

Принято считать, что классическая триада – Уголовный кодекс, Уголовно – процессуальный кодекс и Уголовно-исполнительный кодекс Казахстана – всегда выражают сущность уголовной политики любого государства. Поэтому новая редакция одного из них неизбежно и, как правило, вызывает цепную реакцию – необходимость изменения двух других. В этом заключается их органичная взаимосвязь и только так достигается эффективность, законность и обоснованность всей уголовной политики государства в сфере противодействия преступности.

Как и прежде, центральным звеном в уголовной политике государства остается Уголовно – процессуальный кодекс, который всегда был, и остается формой жизни уголовного закона, поскольку обеспечивает взаимопереход уголовной ответственности к осуществлению справедливого наказания за совершенное лицом уголовное правонарушение.

В этой связи, **обвинение, защита от обвинения и разрешение уголовного дела по существу, по - прежнему, выступают в качестве основных функций уголовного процесса** также в контексте действующего УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 года.

Особо отметим, что впервые подобную классификацию **основных функций уголовного процесса** предложил известнейший правовед, доктор юридических наук, профессор М.С. Строгович в 1968 году в своем фундаментальном труде, изданном в двух томах, «Курс советского уголовного процесса» (М., 1968, том 1, с. 188–200. – 470 с.; М., 1970, том 2. – 516 с.).

УПК 2014 года – это также плод науки и практики, итог широкого использования прогрессивного иностранного и отечественного опыта предупреждения и борьбы с преступностью, а также полноценной защиты прав и свобод личности в уголовном процессе.

В целом периодическое обновление норм данного УПК находится под постоянным и последовательным влиянием национальной правовой системы, то есть правовой идеологии, действующего права, а также юридической практики. Однако, наряду с изложенным, я обязан указать и на сохраняющиеся системные недочеты в построении норм уголовного процесса Казахстана. Они, к сожалению, пока остаются в ранге тенденций, характеризующих слабые черты нашего уголовного процесса и правосудия по уголовным делам.

На это обратил особое внимание законодателя и Глава государства в Послании от 1 сентября 2020 года. В частности, по этому поводу он сказал следующее: «Важно обеспечить стабильность уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Его частые корректировки, изменения

отрицательно влияют на правоприменение и не позволяют наработать единообразную следственную и судебную практику».

Картину же реального состояния уголовного правосудия он показал 6 июня 2022 года в Обращении к народу Казахстана после завершения итогов Республиканского референдума, прошедшего 5 июня 2022 года: «В Новом, Справедливом Казахстане не должно быть места полицейскому произволу, некомпетентным прокурорам и предвзятым судьям. Общество ждет от правоохранительной и судебной систем реальных изменений ...».

В Послании от 1 сентября 2022 года он конкретизировал приведенные положения, указав, что «Следует провести ревизию Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, избавиться от всего, что фактически не работает или препятствует правосудию. Не менее важно, чтобы после внесения соответствующих поправок они не подвергались бесконечным корректировкам. С 2015 года в Уголовный и Уголовно – процессуальный кодексы внесено уже более 1200 изменений. Недопустимо, чтобы законы менялись в угоду сиюминутной конъюнктуре или узким корпоративным интересам».

В этой связи, в справедливости политических оценок Главой государства состояния нашей системы уголовного правосудия нетрудно убедиться обратившись к законодательному наполнению основных функций уголовного процесса, которые характеризуют эффективность выполнения принципов уголовного процесса его сторонами и судом.

Первое. Все годы действия прежнего УПК 1997 года и действующего 2014 года, приоритет отдавался совершенствованию функции обвинения, то есть правовому регулированию деятельности органов и должностных лиц, ведущих уголовное преследование и прокуроров. Не отставала здесь и линия, направленная на повышение эффективности судебной деятельности.

Так, в УПК 1997 года изменения и дополнения вносились до его отмены 77 Законами РК. При этом, за редким исключением, все эти новеллы были направлены на повышение потенциала правосубъектности органов, ведущих уголовный процесс.

Аналогично, продолжается периодическое обновление, оптимизация норм действующего УПК 2014 года. В него внесены изменения и дополнения уже 116 Законами РК.

Это вполне понятно, поскольку речь идет, главным образом, о регулировании деятельности государства в области уголовного правосудия, как публичной (официальной) сфере общества, которая, как правило, выражается в начале действия норм УПК и без наличия заявления потерпевшего.

В целом правильно, но однако все это происходит на фоне стабильного забвения необходимости укрепления потенциала уголовного процесса в области защиты конституционных прав и свобод человека, попавшего в орбиту уголовного правосудия. На это обстоятельство также обратил особое внимание Глава Государства в своем Послании от 1 сентября 2020 года указав, что «Важный критерий правового государства – беспристрастное и справедливое правосудие. Суд должен быть состязательным, а судья – свободным от стороны

обвинения. Для этого необходимо обеспечить равенство адвоката и прокурора.».

Как мне представляется, эту негативную линию создали и определенным образом поддерживали, старательно обходили, «рупоры» прежней власти в области уголовного правосудия.

Посудите сами. Цифры и тут упрямая вещь.

Так, в УПК 1997 года за период его действия в статью 71 «Обязательное участие защитника» изменения и дополнения вносились пятью Законами РК, а в статью 74 «Полномочия защитника» только двумя Законами РК.

Аналогично, в нормы УПК 2014 года новеллы вносились 116 законами РК и только в статью 67 «Обязательное участие защитника» двумя Законами РК, а в статью 70 «Полномочия защитника» – четырьмя Законами РК.

При более внимательном анализе, в частности норм статьи 70 УПК, очевидно, что перелом в сторону повышения потенциала защиты (деятельности, главным образом адвоката – защитника) произошел с принятием ЗРК от 9 июня 2021 года и 16 июля 2025 года.

Кстати, именно с последним законом в уголовный процесс органично вошел институт Акта защиты, составляемый адвокатом с согласия своего подзащитного (обвиняемого). Таким образом, состоялась определенное наполнение в уголовном процессе, прежде всего, принципа состязательности и равноправия сторон.

И, тем не менее, в отличие от в целом регламентированной процессуальной деятельности органов уголовного преследования, этого нельзя утверждать, когда речь заходит о деятельности адвокатов в статусе защитников и представителей сторон уголовного процесса. Таким образом, процессуальные механизмы современной деятельности адвоката в уголовном процессе требуют своего основательного изучения и подробного описания в нормах УПК.

И, несколько слов о судебной деятельности. Ее и в этом разница от регламентации деятельности сторон обвинения и защиты в досудебном уголовном процессе, по-прежнему, дополняют «полевые» нормативные постановления Верховного Суда и Конституционного Суда страны. Безусловно, они «не панацея» тотального обеспечения справедливого правосудия в стране, но их значение в системе уголовного правосудия еще существенно.

В целом в системе уголовного правосудия государство возлагает надежды на полноценную эффективную работу всех судебных инстанций, особенно апелляционных судов, а также впервые образованного кассационного суда по уголовным делам.

Р. Джафарова

КОНСТИТУЦИЯ КАК ГАРАНТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ИНТЕГРАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНО АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Уходящий 2025 год запомнится для Азербайджана двумя важными событиями, имеющими исключительное значение в истории нашей государственности – 5 лет со дня исторической Победы во Второй Карабахской войне и 30 лет со дня принятия первой Конституции независимого Азербайджанского государства. Учитывая эти два важных события, а также полное восстановление территориальной целостности и суверенитета страны, провозглашённое Конституцией Азербайджанской Республики, Указом Президента Азербайджанской Республики господина Ильхама Алиева от 28 декабря 2024 года 2025 год был объявлен в Азербайджане «Годом Конституции и Суверенитета» [2].

С уверенностью можно сказать, что данный Указ является юридическим и политическим подтверждением блестящей Победы, достигнутой в новейшей истории нашего государства. Принятие этого документа является не только важным шагом на пути укрепления традиций государственности, но и дальнейшего совершенствования строительства правового государства, а также защиты, развития и пропаганды конституционных ценностей.

Упомянув о конституционных ценностях, следует подчеркнуть, что одной из ключевых особенностей Конституции Азербайджанской Республики 1995 года является то, что треть её статей посвящена именно правам человека. Это стало возможным благодаря руководству общенационального лидера Гейдара Алиева, под чьим непосредственным участием была разработана и принята современная Конституция [9, 71].

Принятие Конституции Азербайджана 12 ноября 1995 года стало важнейшим этапом в построении демократического правового государства и определило характер будущих правовых реформ. Конституция впервые закрепила систему основных прав, принцип разделения властей и провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью.

Необходимо отметить, что эволюция конституционного регулирования во многом была обусловлена интеграцией Азербайджана в международное сообщество и активным участием страны в международных договорах в области прав человека. Присоединение к Организации Объединённых Наций, ОБСЕ и другим институтам создало условия, требующие системного повышения стандартов защиты прав.

Значимой вехой стало вступление Азербайджана в Совет Европы в 2001 году. Это событие предопределило необходимость приведения национальной правовой системы в соответствие с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года, а также с практикой Европейского суда по правам человека. В этих условиях Конституция стала базой для

формирования механизма имплементации международных норм, который продолжает развитие и сегодня [8, 112].

Как ранее было отмечено, раздел II Конституции Азербайджанской Республики содержит широкий и структурно организованный каталог прав и свобод человека, который по своему содержанию соответствует основным международным актам – Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года, Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и Европейской конвенции о правах человека 1950 года. Конституция Азербайджанской Республики не только закрепляет эти права, но и гарантирует их защиту, выступая основным правовым и политическим документом государства.

В первую очередь, нужно отметить пункт I статьи 12 Конституции, где указано, что «обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики является высшей целью государства» [1].

В систему конституционных прав входят личные (гражданские) права, к которым относятся, в первую очередь, право на жизнь, запрет пыток, право на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной и семейной жизни, защита чести и достоинства, тайна переписки, свобода совести. Эти положения близки по формулировке статьям 2–14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [5] и статьям 6–17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года [6]. Запрет пыток, например, закреплён не только в Конституции Азербайджанской Республики (пункт III статьи 46), но и корреспондирует обязательствам по Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года.

В части политических прав, нормы Конституции Азербайджанской Республики полностью согласуются с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года и Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года, создавая основу демократического политического процесса.

Право на труд, социальное обеспечение, охрану здоровья, образование, участие в культурной жизни соответствуют Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и международным стандартам, установленными ЮНЕСКО. Конституция закрепляет обязательства государства обеспечить минимальный уровень социальных гарантий, а также защиту семьи, материнства и детства.

Все вышеназванные категории прав сопровождаются развитыми процессуальными гарантиями, такими как право на справедливое судебное разбирательство, презумпция невиновности, право на защиту, право на обжалование судебных решений, соответствующие статьям 6 и 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и

положениями Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года.

В вопросе имплементации, Конституция Азербайджана демонстрирует чётко выраженный монистический подход, согласно которому международные договоры, ратифицированные государством, становятся частью его правовой системы. Ключевым элементом этой модели является пункт II статьи 148 Конституции, прямо устанавливающая, что «международные договоры являются составной частью законодательства» [1]. Тем самым Конституция включает международные нормы в иерархию нормативных актов, придавая им обязательность для всех органов государственной власти, должностных лиц и судов.

Статья 151 закрепляет важнейший принцип приоритета международных договоров над внутренним законодательством. «При возникновении противоречия между нормативными правовыми актами, входящими в систему законодательства Азербайджанской Республики и межгосударственными договорами, участницей которых является Азербайджанская Республика, применяются международные договоры» [1]. Исключение составляет только сама Конституция и акты, принятые путем всенародного голосования. По сути, эта норма обеспечивает «зону верховенства» международных стандартов в сфере прав человека, ограничивая государственные органы от принятия актов, ущемляющих международные обязательства Азербайджана.

Конституция не ограничивается признанием юридической силы международных актов, но и связывает их с конкретными обязанностями государства. Пункт II статьи 12 устанавливает, что «права и свободы человека и гражданина, перечисленные в настоящей Конституции, применяются в соответствии с международными договорами, участницей которых является Азербайджанская Республика» [1]. Такое положение превращает международные нормы в обязательный ориентир для всей правовой политики, включая судебную, законодательную и административную деятельность.

Не менее важна статья 155 Конституции, ограничивающая проведение конституционных реформ. Она запрещает изменять Конституцию таким образом, чтобы уровень прав и свобод оказался ниже, чем предусмотрено международными договорами, участником которых является Азербайджан. Эта норма выполняет функцию «страховочного» механизма, не позволяющего законодательной или исполнительной власти ослаблять гарантии прав человека.

Таким образом, конституционные принципы признания международного права формируют прочный юридический фундамент, обеспечивающий интеграцию международных стандартов в национальную правовую систему.

Необходимо отметить, что имплементация международных норм осуществляется не только через ратификацию договоров, но и через адаптацию законодательства, а также посредством реализации национальных программ. Под руководством Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева, успешно продолжившего политическую линию великого лидера Гейдара

Алиева, в нашей стране осуществляются комплексные меры в области защиты прав и свобод человека. Акты, принятые Президентом, выполняют роль, в свою очередь, связующего звена между международными обязательствами и их реализацией через национальную систему правовых норм.

В 2006 году был подписано распоряжение «Об утверждении национального плана действий по защите прав человека в Азербайджанской Республике» [3], подготовленного на основе предложений ряда государственных структур, включая Министерство иностранных дел. В 2011 году была принята «Национальная программа действий по повышению эффективности защиты прав и свобод человека в Азербайджанской Республике», которая вывела процесс обеспечения прав человека на качественно новый уровень, послужила формированию новой стратегии сотрудничества на универсальном и региональном уровне, формированию партнерских отношений между государством и гражданским обществом [4]. Нужно отметить, что эта программа в основном охватывает вопросы, отраженные в рекомендациях, данных по итогам первого Универсального периодического обзора (УПО) Совета по правам человека ООН. Программа предусматривает совершенствование нормативно-правовой базы (в том числе включение прав человека в качестве ключевого критерия при подготовке законов), повышение эффективности работы государственных органов, укрепление прозрачности, дальнейшее развитие сотрудничества с гражданским обществом, проведение обучающих и просветительских мероприятий.

Существенный вклад в осуществление просветительской деятельности вносит Академия юстиции Министерства юстиции Азербайджанской Республики, которая обеспечивает подготовку и повышение квалификации судей, прокуроров, адвокатов и других специалистов в области прав человека. Благодаря реализуемым ею обучающим программам, тренингам и методическим материалам значительно повышается уровень правовой культуры и профессиональной осведомленности в сфере соблюдения международных стандартов прав человека.

Необходимо отметить об утверждении в декабре 2012 года Концепции развития «Азербайджан – 2020: взгляд в будущее», которая открыла новые возможности для эффективной защиты прав человека. Для того, чтобы адаптировать эти акты к существующим международным стандартам власти Азербайджана тесно сотрудничали с международными организациями, в частности, Венецианской комиссией Совета Европы, Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека и другими влиятельными организациями.

Также были приняты законы: Конституционный закон «О регулировании осуществления прав и свобод человека в Азербайджанской Республике», Избирательный кодекс, «О свободе собраний», «О политических партиях», «О неправительственных организациях (общественных объединениях и фондах)», «О свободе вероисповедания», «О получении информации», «О свободе

информации», «О гарантиях гендерного равенства», «Об обеспечении прав и свобод лиц, содержащихся в местах лишения свободы» и др. [7].

Сегодня в Азербайджане существуют конкретные механизмы правовой защиты реализации прав и свобод человека и гражданина, которые определены Конституцией Азербайджанской Республики. Помимо органов исполнительной и законодательной властей, безусловно нужно отметить роль Конституционного суда Азербайджана, который обеспечивает контроль за соответствием законов Конституции и международным договорам. В своих решениях суд активно использует нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и практику Европейского суда, способствуя унификации национального правоприменения с международными стандартами.

В структуре национальных правозащитных институтов особую роль занимает также Институт Уполномоченного по правам человека, учреждённый в 2001 году. Он выполняет функции национального превентивного механизма и осуществляет мониторинг выполнения Азербайджаном своих международных обязательств перед ООН и Советом Европы, выступая при этом связующим звеном между гражданским обществом и государством.

Все эти усилия направлены на укрепление механизмов защиты прав и свобод человека. Значимость данной системы проявилась особенно ярко в период восстановления территориальной целостности Азербайджана и обеспечения конституционного порядка на освобождённых территориях. Вследствие выверенной внешней и внутренней политики, стратегического руководства Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева и единства армии и народа Азербайджан одержал Великую Победу и освободил свои исконные территории. Эта Победа обеспечила восстановление юридической силы Конституции Азербайджанской Республики на всех освобождённых территориях, что создало реальную основу для полноценной реализации закреплённых в ней прав и свобод.

Согласно Конституции Азербайджанской Республики, её территория является единой, неприкосновенной и неделимой, а возвращение граждан на свои родные земли создаёт условия для восстановления их нарушенных прав.

В заключение хочу подчеркнуть, что Конституция Азербайджанской Республики создала особый правовой механизм, обеспечивающий интеграцию международных стандартов прав человека в национальное законодательство. Монистическая модель, приоритет международных договоров и широкий каталог конституционных прав формируют фундамент современной системы защиты личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-qanun.az/framework/897>

2. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики Об объявлении 2025 года в Азербайджанской Республике «Годом Конституции и Суверенитета» от 28 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.az/ru/articles/view/67775>
3. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики Об утверждении Национального плана деятельности по защите прав человека в Азербайджанской Республике от 28 декабря 2006 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.gov.az/content/pdf/4073a3699d30070d44a5ce33d41f5c80.pdf>
4. Национальная программа действий по повышению эффективности защиты прав и свобод человека в Азербайджанской Республике от 27 декабря 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.az/ru/articles/view/4017>
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года. [Электронный ресурс]. URL: https://migration.gov.az/content/pdf/5acb4632db3d0_Convention_RUS.pdf
6. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
7. <https://www.preslib.az/ru/historical/page/ainockl>
8. Babaoğlu, Hikmət. İnsan hüquqları və azadlıqları: tarixi təkamülü, beynəlxalq və politoloji aspektləri, Azərbaycan təcrübəsi: monoqrafiya / H. Babaoğlu ; elmi red. Ə. Əhmədov. - Bakı : Elm, 2006. - 244 s.
9. Джафарова, Рейхан. Конституция Азербайджанской Республики и основы права: учебное пособие / - Баку: Elm, 2025. – 334 с.

Г.А. Бидильдаева

О МЕСТЕ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В условиях трансформации международных и национальных правовых систем вопрос о месте и роли принципов и норм международного права, а также норм международных договоров в правовой системе Кыргызской Республики (далее – КР) приобретает особую актуальность, поскольку до настоящего времени требует уточнения вопрос о их месте в системе нормативных правовых актов и их соотношении. Недостаточно изученным остается вопрос о разрешении возможных коллизий указанных норм и внутреннего законодательства.

Исследование обозначенных вопросов позволит раскрыть механизм взаимовлияния принципов и норм международного права, а также норм международных договоров и конституционного законодательства КР. Практическое значение исследования указанных теоретических вопросов заключается в разработке предложений по совершенствованию конституционного законодательства и его соответствия международным стандартам, в совершенствовании правоприменительной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере охраны и защиты прав человека.

В учебной литературе под *нормами международного права* понимаются юридические правила поведения, признаваемые государствами и другими субъектами международного права в качестве обязательных³². В силу своей значимости в регулировании международно-правовых отношений некоторые нормы международного права называются *принципами*, представляющие собой обычные нормы, которые складываются в практике государств и являются юридически обязательными, отклонение от которых недопустимо³³; это юридически закреплённые начала международного права³⁴.

По заключению российских ученых, в международном праве нет специального нормативного акта, содержащего исчерпывающий перечень общепризнанных норм и принципов³⁵. В своей практической деятельности правоприменители должны, по их мнению, в каждом случае «... рассматривать доказательства признания международным сообществом того или иного конкретного принципа или нормы», опираясь при этом на источники общего

³² Международное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 18.

³³ Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). – М.: «Права человека». – 1996. – С. 9. (432 с.); Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. 1069 с. – Серия : профессиональные комментарии. – С. 26.

³⁴ Международное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 30.

³⁵ Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. /Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 1997. – С. 160.

международного права. Последнее понимается как обязательное для всех государств международное право, являющееся правом обычным³⁶.

Источники общего международного права перечислены в Статуте Международного суда ООН, к которым относятся (ст. 38):

- 1) как общие, так и специальные международные конвенции, признаваемые спорящими государствами;
- 2) международный обычай;
- 3) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;
- 4) судебные решения (с оговоркой на ст. 59, а именно, при условии, что решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон по конкретному делу).
- 5) доктрины наиболее известных специалистов по публичному праву различных наций.

Основные принципы международного права зафиксированы в ряде авторитетных документов международного уровня – Уставе ООН, Декларации о принципах международного права (1970 г.), Декларации принципов, содержащихся в Заключительном акте Сопения по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.).

Закрепленные в *Уставе ООН* принципы носят характер *jus cogens*, т.е. являются «обязательствами высшего порядка» и составляют основу международного права; они не могут быть отменены, поскольку их соблюдение обеспечивает международный правопорядок. К ним относятся: суверенное равенство государств; невмешательство во внутренние дела государств; запрет применения силы или угрозы силой; добросовестное выполнение государствами взятых на себя международных обязательств; мирное разрешение споров между субъектами международного сообщества³⁷.

Генеральная Ассамблея ООН 24 октября 1970 г. приняла *Декларацию о принципах международного права*, в которую, помимо указанных в Уставе ООН, были включены принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН, а также равноправие и самоопределение народов³⁸.

Декларация принципов, содержащихся в Заключительном акте Сопения по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), также содержит принципы, имеющие первостепенную важность и которыми должны руководствоваться государства-участники во взаимных отношениях. Кроме указанных выше, в Декларацию включены такие принципы как нерушимость границ, уважение территориальной целостности государств, уважение основных прав и свобод человека³⁹.

³⁶ Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). - М.: «Права человека». – 1996. - С. 9.

³⁷ Международное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1998. - С. 31.

³⁸ Международное право в документах: Учеб. пособие / Сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – 2 – е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М., 1997. – 696 с. - С. 16.

³⁹ Международное право в документах: Учеб. пособие / Сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – 2 – е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М., 1997. – С. 16-21.

Общеизвестно, что принципы и нормы международного права оказывают влияние на национальные правовые системы, которые, в свою очередь, также влияют на нормообразование в международном праве.

Учитывая цель написания данной статьи, представляется необходимым проанализировать конституционное законодательство КР в исторической ретроспективе с целью объективной оценки его соответствия международным стандартам.

Так, *Конституция 1993 г.* определяла, что ратифицированные КР *межгосударственные* (выд. – авт.) договоры, а также другие нормы международного права являются «... непосредственной действующей частью законодательства Кыргызской Республики» (п. 3 ст. 12). Эта норма была включена в Конституцию впервые, имела прямое действие и могла применяться физическими и юридическими лицами, а также органами государственной власти и местного самоуправления.

Что касается принципов международного права, то они не были указаны в качестве составной части законодательства страны, но упоминались в других статьях Конституции. К примеру, в ст. 9 говорилось о соблюдении КР общепризнанных принципов международного права (п. 4). В ст. 16 основные права и свободы человека признавались и гарантировались в соответствии с принципами международного права (п. 1).

Как видно из Конституции 1993 г. не все межгосударственные договоры признавались составной частью внутреннего законодательства КР. Не уточнялось также, какие нормы относились к «иным» нормам международного права.

Уместным, в связи с этим, является мнение российских ученых о том, что значение рассматриваемой конституционной нормы не ограничивается технико-юридической проблемой имплементации норм международного права в национальное законодательство страны. Принятые государством любые международно-правовые обязательства, считают они, автоматически становятся неотъемлемой частью его правовой системы. В этом случае международные нормы оказывают существенное влияние на внутреннее законодательство страны и правоприменительную практику органов государственной власти⁴⁰.

Таким образом, признание Конституцией 1993 г. межгосударственных договоров, ратифицированных КР, а также иных норм международного права неотъемлемой частью внутреннего законодательства КР, свидетельствовало об их официальном признании в качестве источников права. Указанные источники имели прямое, непосредственное действие на территории КР. Несмотря на то, что принципы международного права не были прямо указаны в Конституции в качестве неотъемлемой части внутреннего законодательства страны, они также являлись источниками национального права.

⁴⁰ Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. /Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 1997. - С. 163.

Согласно положениям *Конституции КР, принятой референдумом 27 июня 2010 г.*, *международные* (выд. – авт.) договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью *правовой системы* (выд. – авт.) КР (п. 3 ст. 6).

Как видно, в Конституцию были включены новые понятия – «международные договоры» и «правовая система». При этом уточнялось, что это договоры, вступившие в силу в установленном порядке. Кроме того, Конституция признала принципы международного права составной частью правовой системы КР. Указанные принципы были также закреплены в ст. 40, где они рассматривались в качестве гарантий судебной защиты прав и свобод каждого. Новым явилось также положение о приоритетности и прямом действии норм международных договоров по правам человека над нормами других международных договоров (п. 3 ст. 6).

В этой связи важным представляется вопрос о том, какое значение имела замена термина «законодательство», использованного в ст. 12 Конституции 1993 г., на термин «правовая система», употребленный в тексте Конституции 2010 г.

Так, из теории права известно, что под законодательством (системой законодательства) понимается совокупность нормативных правовых актов как результат деятельности компетентных государственных органов⁴¹; как совокупность нормативно-правовых актов, в которых объективно отражаются внутренние содержательные и структурные характеристики права⁴².

В свою очередь, под правовой системой понимается совокупность правовых явлений, которые обусловлены объективными законами развития общества, осознанно и постоянно воспроизводятся людьми для достижения своих целей⁴³. Как сложноструктурное образование, правовая система состоит из следующих компонентов (элементов): субъект (главный компонент); правовое сознание, которое неразрывно связано с субъектом правовой системы; правовая деятельность. Указанные элементы характеризуются социально – экономическими, политическими, национально – культурными особенностями и предпосылками возникновения и развития.

Правовая система понимается также как право, находящееся в неразрывном единстве с другими элементами правовой действительности – правовой идеологией и судебной (юридической практикой)⁴⁴. Под правом здесь понимается система общеобязательных норм, выраженных в законе, а также иных признаваемых государством источниках.

⁴¹ Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: .Вопросы и ответы. - М.: Новый Юрист, 1999. - С. 43.

⁴² Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА. М., 1998. - С. 318.

⁴³ Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА. М., 1998. - С. 463, 483.

⁴⁴ Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. Издание второе, переработанное и дополненное. М. «Юридическая литература». – 1994. - С. 80-81.

Как видно, понятия «законодательство» и «правовая система» не являются тождественными; законодательство входит в качестве элемента в правовую систему. Из этого следует, что использование термина «правовая система» в Конституции 2010 г. является выверенным и обоснованным.

Референдум, состоявшийся 11 декабря 2016 г., внес определенные изменения в ст. 6 Конституции КР⁴⁵, а именно, было исключено положение о прямом действии и приоритетности норм международных договоров по правам человека. Вместе с тем в данную статью была внесена норма о том, что порядок и условия применения международных договоров, принципов и норм международного права определяются законами (п. 3 ст. 6).

Как представляется, исключение из текста Конституции нормы о прямом действии и приоритетности правил международных договоров по правам человека является не совсем верным, если учесть мировую тенденцию признания приоритетности охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. По справедливому замечанию ученых, международное и внутригосударственное законодательство имеет одну социальную природу, где основное место занимает человек, его естественные и неотчуждаемые права и свободы⁴⁶.

Действующая **Конституция КР**⁴⁷ не претерпела существенных изменений, касающихся рассматриваемых источников. Конституция 2021 г. также признает принципы и нормы международного права, нормы международных договоров, вступивших в силу в порядке, предусмотренном законодательством КР, составными частями правовой системы республики. Уточняется также, что порядок и условия применения указанных норм регулируются законом.

Что касается вопроса преодоления возможных коллизий между нормами международных договоров и нормами внутреннего законодательства в законах многих государств устанавливается правило, согласно которому в случае расхождения между положениями закона и международными обязательствами преимущественную силу имеют международные обязательства.

В КР этот вопрос регулируется Законом КР «О международных договорах Кыргызской Республики»⁴⁸. Так, ст. 6 предусматривает механизм предварительной проверки уполномоченным государственным органом в сфере юстиции на соответствие проекта международного договора положениям действующего законодательства КР (п. 5). В случае необходимости устранения возникших коллизий заинтересованные органы государственной власти в пределах своей компетенции, и в порядке, установленном законом, вносят

⁴⁵ Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года. (В редакции Закона КР от 28 декабря 2016 года № 218).

⁴⁶ Абдуллаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права / Учебник. – СПб.: Питер, 2003. – С. 546.

⁴⁷ Конституция Кыргызской Республики. Введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года.

⁴⁸ Закон Кыргызской Республики от 24 апреля 2014 года № 64 «О международных договорах Кыргызской Республики» (В редакции Закона КР от 24 июля 2025 года № 153).

соответствующие проекты нормативных актов главе государства либо в Кабинет Министров КР (ст. 20).

Особого внимания заслуживает ст. 21, где говорится, что если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции, решение о согласии на его обязательность для КР возможно в форме закона только после внесения в установленном порядке соответствующих изменений в Конституцию.

Таким образом, анализ конституционных положений, определяющих место и роль принципов и норм международного права, а также международных договоров, позволил сформулировать определенные выводы.

Во-первых, верным является конституционное положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры КР, являются частью ее правовой системы, а не законодательства, служащее основанием для признания их источниками национального права.

Во-вторых, в КР механизм преодоления возможных коллизий законодательства КР и норм международных договоров урегулирован на законодательном уровне, и способствует определению четких ориентиров реформ конституционного законодательства, приоритетным направлением которого является эффективная охрана и защита прав человека и гражданина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Международное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 18.

2. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). – М.: «Права человека». – 1996. – С. 9. (432 с.); Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. 1069 с. – Серия : профессиональные комментарии. – С. 26.

3. Международное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 30.

4. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. /Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 1997. – С. 160.

5. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). - М.: «Права человека». – 1996. – С. 9.

6. Международное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 31.

7. Международное право в документах: Учеб. пособие / Сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – 2 – е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М., 1997. – 696 с. - С. 16.

8. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. /Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 1997. – С. 160.

9. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). - М.: «Права человека». – 1996. – С. 9.

10. Международное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 31.

11. Международное право в документах: Учеб. пособие / Сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – 2 – е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М., 1997. – 696 с. – С. 16.

12. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: .Вопросы и ответы. - М.: Новый Юрист, 1999. – С. 43.

13. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА. М., 1998. – С. 318.

14. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА. М., 1998. – С. 463, 483.

15. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. Издание второе, переработанное и дополненное. М. «Юридическая литература». – 1994. – С. 80-81.

16. Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года. (В редакции Закона КР от 28 декабря 2016 года № 218).

17. Абдуллаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права / Учебник. – СПб.: Питер, 2003. – С. 546.

18. Конституция Кыргызской Республики. Введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года.

19. Закон Кыргызской Республики от 24 апреля 2014 года № 64 «О международных договорах Кыргызской Республики» (В редакции Закона КР от 24 июля 2025 года № 153).

Е.О. Егембердиев

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО: РИСКИ ДЕГУМАНИЗАЦИИ И УТРАТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО КОНТЕКСТА

Введение

Цифровизация правосудия является одной из наиболее заметных тенденций развития современных правовых систем. В последние годы технологии искусственного интеллекта активно внедряются в судебную сферу – от автоматизированного распределения дел и анализа судебной практики до подготовки проектов судебных актов и прогнозирования вероятных исходов споров [1; 2]. Подобные решения уже используются в ряде государств и обсуждаются в рамках международных научных форумов, посвящённых трансформации судебной власти в условиях информационного общества.

Сторонники внедрения ИИ в судопроизводство подчеркивают его потенциал в повышении эффективности, скорости и единообразия судебной практики. Использование алгоритмов рассматривается как средство оптимизации работы судов и повышения доступности правосудия [2]. Однако наряду с этим в научной доктрине все отчетливее формируется критическая позиция, указывающая на фундаментальные риски, связанные с использованием алгоритмов в сфере, непосредственно затрагивающей базовые права и свободы человека [3; 4].

Цель настоящей статьи – провести критический анализ указанных рисков, сосредоточив внимание на двух ключевых угрозах: дегуманизации правосудия и утрате индивидуального правового контекста. Методологическую основу исследования составляют философско-правовой анализ, сравнительно-правовой метод и доктринальный анализ научных позиций, представленных в материалах международных научных форумов и фундаментальных исследованиях по проблематике искусственного интеллекта и права.

1. Потенциал применения ИИ в судопроизводстве: между эффективностью и упрощением

Невозможно отрицать, что использование технологий искусственного интеллекта в судебной системе обладает значительным прагматическим потенциалом для модернизации правосудия в условиях цифровой трансформации. Этот потенциал реализуется по нескольким взаимосвязанным направлениям, суть которых заключается в делегировании машине рутинных, формализуемых и ресурсоемких операций.

Во-первых, алгоритмы эффективно автоматизируют огромный пласт рутинной административно-технической работы: первичную верификацию и анализ процессуальных документов на предмет полноты и соответствия формальным требованиям, расчет сложных сумм судебных расходов, штрафов и неустоек, интеллектуальное распределение дел между судьями с учетом их специализации и текущей нагрузки. Подобная автоматизация позволяет не

только сократить сроки досудебной подготовки, но и существенно снизить когнитивную нагрузку на помощников судей и канцелярии, высвобождая человеческие ресурсы для задач, требующих критического мышления [1].

Во-вторых, ИИ, обладая способностью к анализу Big Data, выступает в роли мощного инструмента аналитики судебной практики. Алгоритмы машинного обучения могут выявлять латентные тенденции, скрытые противоречия в подходах разных судей или судебных составов, а также находить релевантные прецеденты в массивах данных, неподъемных для ручного изучения. Для судьи это означает доступ к структурированной аналитике по аналогичным делам; для адвоката – возможность построения более сильной стратегии, основанной на данных; для законодателя – инструмент для выявления пробелов и коллизий в праве. Таким образом, ИИ способствует повышению не столько скорости, сколько информированности и предсказуемости правоприменения, формализуя опыт прошлых решений [2].

В-третьих, заложенная в алгоритмы логика, основанная на выявлении статистических закономерностей в исторических данных, потенциально может служить инструментом сглаживания индивидуальных когнитивных искажений, неизбежно присущих человеческому мышлению (например, anchoring bias – зависимость от первой полученной информации, или confirmation bias – склонность искать подтверждения своей первоначальной гипотезы). В этом смысле ИИ претендует на роль фактора, повышающего формальную объективность и единообразие судебной практики, минимизируя элемент случайности и субъективного настроения.

Наконец, развитие систем онлайн-разрешения споров (Online Dispute Resolution – ODR) на базе алгоритмических сценариев для малозначительных и бесспорных категорий дел (микрозадолженности, защита прав потребителей в e-commerce) кардинально расширяет доступ к механизмам правовой защиты, делая его более дешевым, быстрым и удобным. Однако, как показывает анализ, именно эта утилитарная эффективность и очевидные операционные выгоды создают риск смещения целеполагания: подмены конечной цели правосудия – достижения справедливости в конкретном случае – промежуточной целью процессуальной эффективности. Возникает соблазн распространить логику «алгоритмического конвейера» для простых дел на все более сложные категории споров, где ключевое значение имеет не обработка данных, а их глубокая интерпретация, взвешивание ценностей и моральный выбор.

2. Дегуманизация правосудия как системный риск

Право по своей природе является не только нормативной системой социального регулирования, но и глубоко антропоцентричным, гуманитарным феноменом. Оно основано на признании автономии человеческой личности, ее достоинства, свободы воли, способности к раскаянию и моральному воздаянию. Бесконтрольное внедрение ИИ в ядро судебной деятельности – в процесс вынесения решений – несет в себе фундаментальный риск редукции права к вычислению, подмены живого правоприменения техническим выводом.

Судебный процесс в его классическом понимании – это, прежде всего, состязание нарративов. Каждая сторона представляет суду не просто набор фактов, а связную, осмысленную историю, встроенную в жизненный контекст. Задача судьи – не просто выбрать более правдоподобную версию, а понять эту историю, оценить мотивы, обстоятельства, степень вины или добросовестности, проникнуть в суть человеческих отношений. Алгоритм же в силу своей природы осуществляет деконтекстуализацию: он трансформирует уникальную жизненную ситуацию в вектор дискретных, машинно-читаемых признаков (пол, возраст, доход, судимость, почтовый индекс). Все, что не поддается такому кодированию – нюансы эмоций, социальные связи, неочевидные причинно-следственные связи, раскаяние, – выпадает из аналитической модели, что ведет к принятию решений в вакууме формальных параметров, к «правосудию без лица» [3].

Этот процесс напрямую связан с утратой морального измерения суда. Правосудие, особенно в уголовном и семейном праве, всегда содержало в себе элемент морального суждения (оценка степени жестокости, пренебрежения родительскими обязанностями, добросовестности участников гражданского оборота). Алгоритм, лишенный сознания, эмпатии и понимания социальных норм, не может осуществлять такую оценку. Он может лишь сравнивать текущий кейс с историческими паттернами, фактически делегируя моральный выбор статистике прошлых, возможно, несправедливых решений. Таким образом, дегуманизация – это не просто «очеловечивание» процесса, а утрата самой способности права отвечать на сложные моральные вызовы, которые и составляют суть многих юридических конфликтов [1; 3].

Отдельной и крайне опасной проблемой становится эрозия персональной ответственности. Принцип «судья, подписавший решение, несет за него ответственность» является краеугольным для легитимности судебной власти. Алгоритмические системы, особенно сложные («черные ящики»), размывают эту ясную связь. В случае ошибочного или предвзятого решения возникает неразрешимая дилемма: виноват ли судья, слепо последовавший рекомендации машины; разработчик, создавший несовершенную модель или предоставивший нерепрезентативные данные для обучения; или государственный орган, без должной проверки внедривший систему? Такая диффузия ответственности подрывает не только доверие к конкретному решению, но и к институту правосудия в целом, превращая его в неподотчетную технократическую систему [4].

3. Утрата индивидуального правового контекста и алгоритмическая предвзятость

Ключевой эпистемологической проблемой судебного ИИ является его зависимость от исторических данных как источника «обучения». Право, однако, не является статичным отражением объективной реальности; оно само есть продукт исторического развития, несущий в себе следы прошлых социальных, экономических и культурных предрассудков. Алгоритм, претендующий на нейтральность, на деле становится «зеркалом с памятью»,

которое некритично отражает и закрепляет все системные искажения, содержащиеся в массивах судебных решений прошлых лет.

Это порождает феномен «алгоритмической предвзятости» (algorithmic bias), который носит не случайный, а системный характер [4; 5]. Например, если в прошлом суды статистически чаще отказывали в условно-досрочном освобождении представителям определенных этнических групп или назначали более строгие приговоры жителям депрессивных районов, алгоритм, выявляя корреляции, интерпретирует эти групповые признаки (раса, почтовый индекс) как прогностические факторы риска рецидива. Таким образом, историческая дискриминация не исправляется, а получает новую, кибернетическую легитимацию, облаченную в мантию «объективной» data-driven науки. Опасность усугубляется тем, что такие решения воспринимаются как непредвзятые, поскольку исходят от «бесстрастной» машины, что делает выявление и обжалование скрытой дискриминации крайне сложным [5].

Более глубокая проблема заключается в самой природе правового усмотрения (discretion). Справедливость часто требует отступить от общего, усредненного правила ради учета уникальных, экстраординарных обстоятельств конкретного дела – того, что в англосаксонской традиции называется equity. Это судебское усмотрение есть акт не вычисления, а взвешивания ценностей, морального выбора, применения принципов соразмерности и справедливости. Алгоритм же, по определению, работает в логике применения правил, выведенных из прошлого. Он не способен на акт милосердия, на признание исключительности ситуации, на понимание того, что «суровость закона компенсируется необязательностью его исполнения». Его внедрение в ядро принятия решений грозит окончательным вытеснением гибкой, контекстно-зависимой логики права в пользу ригидной, детерминистской логики автоматизированного администрирования, где индивидуальная судьба становится заложником статистической вероятности [3].

4. Процедурные и этические вызовы

Помимо содержательных угроз, интеграция ИИ в судопроизводство ставит ряд острых процедурных и этических дилемм, для которых современное процессуальное право зачастую не имеет готовых ответов.

Наиболее технически сложной является проблема «черного ящика» (black box AI). Современные сложные модели глубокого обучения, особенно нейронные сети, часто являются непрозрачными: даже их создатели не могут до конца объяснить, как именно входные данные преобразуются в итоговый вывод. Эта необъяснимость (non-explainability) входит в прямое противоречие с фундаментальным принципом мотивированности судебного акта. Стороны и общественность имеют право знать не только что решил суд, но и почему. Если же ключевой аргумент в решении – это непроверяемая и неинтерпретируемая рекомендация алгоритма, то право на эффективное средство правовой защиты и справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции о защите прав человека) оказывается формализованным. Развитие объяснимого ИИ

(Explainable AI – XAI) становится в этом контексте не технологическим трендом, а императивом правового государства [3; 4].

Другой вызов – углубление процессуального неравенства. Доступ к передовым, дорогостоящим алгоритмическим системам анализа судебной практики, прогнозирования исходов и генерации правовых документов изначально будет привилегией крупных юридических корпораций и состоятельных клиентов. Это создает новую, цифровую форму «адвокатского разрыва» (justice gap), где одна сторона вооружена инструментами больших данных и предиктивной аналитики, а другая – полагается на традиционные методы. Принцип равных процессуальных возможностей и состязательности рискует быть сведен на нет технологическим превосходством, что потребует переосмысления гарантий доступа к правосудию, возможно, через создание публичных, государственных алгоритмических сервисов для всех участников процесса.

Наконец, регулятивный вакуум остается значительным препятствием. Отсутствие универсальных международных стандартов для аудита, сертификации и валидации судебных алгоритмов, а также дефицит долгосрочных междисциплинарных исследований их влияния на правосознание, судебскую независимость и общественное доверие к суду, диктуют необходимость презумпции осторожности (precautionary principle). Внедрение должно носить поэтапный, пилотный характер, сопровождаться обязательным этико-правовым аудитом, а область применения ИИ должна быть четко законодательно ограничена вспомогательными, неокончательными функциями, оставляя последнее слово и полноту ответственности за человеком-судьей [6].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для модернизации судебной системы, повышая процессуальную эффективность, аналитическую глубину и формальное единообразие правоприменения. Вместе с тем его некритичное и неограниченное внедрение в сферу отправления правосудия сопряжено с системными рисками, затрагивающими гуманистическую природу права. Дегуманизация правосудия, выражающаяся в сведении уникальных человеческих ситуаций к алгоритмическим параметрам, а также утрата индивидуального правового контекста вследствие воспроизводства исторических предубеждений в форме алгоритмической предвзятости, способны трансформировать право из инструмента поиска справедливости в технократический механизм шаблонного принятия решений.

Ключевой тезис исследования заключается в том, что развитие технологий ИИ не снижает, а, напротив, усиливает значение человеческого фактора в судопроизводстве. Судья, обладающий правосознанием, эмпатией и способностью к ответственному усмотрению, остаётся незаменимым гарантом справедливого судебного решения. В этой связи приоритетным должен стать не принцип замещения, а принцип симбиоза: искусственный интеллект призван

ассистировать судье, но не подменять его [1; 3]. Это предполагает нормативное и институциональное закрепление принципа «человек в контуре» (Human-in-the-Loop) как обязательного условия использования алгоритмических систем, влияющих на существование судебных актов.

Реализация данной модели требует формирования комплексной системы правовых и организационных гарантий, включающей развитие технологий объяснимого искусственного интеллекта, создание механизмов независимого этико-правового аудита судебных алгоритмов и целенаправленное повышение цифровой компетентности судебского корпуса. Полученные выводы вносят вклад в развитие сбалансированного подхода к цифровой трансформации судебной власти и могут служить основой для выработки практических рекомендаций по ответственному внедрению ИИ в судопроизводство на национальном и международном уровнях. Будущее правосудия в цифровую эпоху связано не с противопоставлением человека и машины, а с формированием такой модели взаимодействия, при которой технологии усиливают, а не подрывают гуманистические основы права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Вильфрид Бернхардт. Применение искусственного интеллекта в судебной системе – грядет ли робот-судья? // Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства: Сборник материалов III Евразийского форума по правам человека (г. Нур-Султан, 10 декабря 2021 г.) / Под ред. З.Х. Баймолдиной. - Нур-Султан: Издательство РГУ «Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан», 2022. - 226 с. – с. 11-19.// https://sta.edu.kz/wp-content/uploads/2025/02/sbornik_materialov_iii_evraziyskogo_foruma_po_pravam_cheloveka_10_dekabrya_2021_g.g_nur-sultan3.pdf
2. Barfield W., Pagallo U. Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. – 640 p./ <https://www.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781786439048/9781786439048.xml>
3. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. – 320 p./ DOI: [10.1017/beq.2016.50](https://doi.org/10.1017/beq.2016.50)
4. Citron D., Pasquale F. The Scored Society: Due Process for Automated Predictions // Washington Law Review. – 2014. – Vol. 89. – P. 1–33.// https://www.researchgate.net/publication/286690845_The_scored_society_Due_process_for_automated_predictions
5. Zarsky T. The Trouble with Algorithmic Decisions: An Analytic Road Map to Examine Efficiency and Fairness in Automated and Opaque Decision Making // Science, Technology & Human Values. – 2016. – Vol. 41(1). – P. 118–132./ <https://doi.org/10.1177/0162243915605575>

6. European Commission. Ethics Guidelines for Trustworthy Artificial Intelligence. – Brussels, 2019.// <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai>

С.М. Сапаралиева

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ КОНВЕНЦИИ ООН О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН (CEDAW) В НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» является одним из ключевых международных документов, определяющих стандарты гендерного равенства и защиты прав женщин.

Международный договор, принятый ООН в 1979 году (*18 декабря, 46 лет*) состоит из преамбулы и 30 статей, и определяет понятие «дискриминация по признаку пола», устанавливает обязательства государств – участников для ликвидации дискриминации и продвижения равенства женщин и мужчин во всех сферах (*политика, экономика, образование, здравоохранение, брак и семья и т.д.*).

Ключевыми особенностями Конвенции являются:

Это наиболее полный международный документ по защите прав женщин.

Она охватывает правовые, социальные, культурные, экономические, политические аспекты.

Требует не только формального равенства, но и фактического, включая борьбу со стереотипами.

Ориентирована на трансформацию государственных институтов и общественных норм.

Обязывает страны отчитываться и взаимодействовать с международным мониторинговым органом.

В целом Конвенция определяет следующие направления гендерного равенства:

1.2. Общие обязательства государств (статьи 2–5)

Государства обязуются:

- включать принцип равноправия в национальное законодательство;
- обеспечивать юридическую защиту прав женщин;
- отменять или изменять дискриминационные законы, нормы и обычаи;
- принимать меры для устранения предрассудков и стереотипов, основанных на традиционных ролях женщин и мужчин.

2. Временные специальные меры (статья 4)

Конвенция допускает использование временных специальных мер (квоты, приоритетные программы), направленных на ускорение фактического равенства.

Важно: такие меры не считаются дискриминацией.

3. Особые сферы, в которых запрещена дискриминация

3.1. Политические и общественные права (статьи 7-8)

Женщины должны иметь равные права:

- голосовать и быть избранными;

- участвовать в формировании и реализации госполитики;
- занимать государственные должности;
- представлять страну на международной арене и участвовать в работе международных организаций.

3.2. Образование (статья 10)

Государства обязаны обеспечить:

- равный доступ к образованию всех уровней;
- ликвидацию гендерных стереотипов в учебных материалах;
- одинаковые возможности профессионального и технического обучения;
- равный доступ к стипендиям, программам обмена, спортивной подготовке.

3.3. Труд и занятость (статья 11)

Гарантируются:

- равные возможности трудоустройства;
- равная оплата за труд равной ценности;
- защита от увольнения по беременности;
- охрана материнства без ущерба для карьеры;
- создание условий для совмещения работы и семейных обязанностей.

3.4. Здравоохранение (статья 12)

Женщины должны иметь равный доступ к:

- медицинским услугам, включая услуги в сфере репродуктивного здоровья;
- информации и программам в области планирования семьи.

3.5. Социально-экономические права (статья 13)

Равные права на:

- семейные пособия;
- банковские кредиты и ипотеку;
- участие в культурной и спортивной жизни.

3.6. Женщины в сельской местности (статья 14)

Отдельная статья 14 подчеркивает уязвимость сельских женщин.

Государства обязаны гарантировать им:

- участие в развитии общин;
- доступ к здравоохранению, образованию, производственным ресурсам;
- оплачиваемую работу и социальную защиту.

4. Правовой статус женщин в семейных отношениях (статьи 15-16)

4.1. Равенство перед законом

Женщины должны иметь:

- равную правоспособность;
- равные возможности заключать договоры, распоряжаться имуществом;
- свободу передвижения и выбора места жительства.

4.2. Брачные и семейные отношения

Гарантируется равенство мужчин и женщин:

- при вступлении в брак и его расторжении;
- в выборе фамилии, профессии, деятельности;

- в вопросах опеки и воспитания детей;
- в распоряжении имуществом.

Брак допускается только при свободном и полном согласии.

Казахстан присоединился к Конвенции в 1998 году (29 июня), тем самым подтвердив приверженность укреплению прав женщин и устранению всех форм дискриминации.

Этот шаг не только интегрировал международные стандарты в национальную правовую систему, но и стал ключевым ориентиром для реформ в социально-правовой сфере.

Что сделано?

Статья 14 Конституции Республики Казахстан, закрепила принцип равенства всех перед законом и судом.

И, никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам.

Анализируя правовую базу Казахстана, необходимо отметить, что за два десятилетия Казахстан проделал значительную работу.

Принятый 8 декабря 2009 года Закон «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» стал ключевой основой для гендерной политики Казахстана.

Законом было дано определение понятию «гендерное равенство», как правовому статусу, обеспечивающему мужчинам и женщинам равные права и равные возможности и реальный доступ к участию в политической, экономической, социальной, общественной и культурной сферах жизни вне зависимости от половой принадлежности.

Дискриминация по признаку пола – это любое ограничение или ущемление прав и свобод человека, а также принижение его достоинства по признаку пола.

А также такие понятия: как гендер, равные права и равные возможности.

Принципы равноправия и недопустимости ограничения прав человека и гражданина, заложены во всех правовых актах Казахстан.

В тоже время, в Казахстане четко определено, что не считается дискриминационным по признаку пола. Это меры, направленные на:

- 1) защиту материнства, детства и отцовства;
- 2) защиту женщин в связи с беременностью и родами;
- 3) увеличение продолжительности жизни мужчин;

4) защиту женщин в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Также не являются дискриминацией различия, исключения, предпочтения и ограничения, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями либо обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите.

Следует также отметить, что в Казахстане законодательно определены органы и должностные лица, осуществляющие деятельность в сфере обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин.

Это:

- 1) Президент Республики Казахстан;
- 2) Правительство Республики Казахстан;
- 3) центральные исполнительные органы в пределах своей компетенции;
- 4) местные исполнительные органы областей, городов республиканского значения и столицы в пределах своей компетенции.

Какие имеем результаты?

Созданы институциональные механизмы:

- Институт омбудсмана по правам человека;
- Комиссия по делам женщин и семейно-демографической при Президенте Республики Казахстан;
- в акиматах введены должности советников по гендерным вопросам.

Введена обязательная квота в размере 30% для женщин и молодежи в избирательных партийных списках, а также при распределении депутатских мандатов.

Перечень профессий, ограничивающих труд женщин, отменен на законодательном уровне.

В регионах действуют центр поддержки семьи, а также развития женского предпринимательства.

В целом женщины постепенно расширяют своё присутствие в бизнесе, гражданском секторе и политике; растет число женщин-депутатов и управленцев среднего звена.

Эти шаги демонстрируют политическую волю к достижению значимых результатов в области гендерного равенства.

Так согласно исследованию Индекса социальных институтов и гендера ОЭСР в 2023 году Казахстан оценен как страна с низким уровнем дискриминации женщин.

Что еще необходимо сделать?

Опыт разных стран показывает, что для эффективной имплементации Конвенции требуются не только законы, но и системные механизмы.

В Европе широко внедрено гендерно-чувствительное бюджетирование, что позволяет оценивать влияние госрасходов на женщин и мужчин.

В отдельных странах Восточной Европы и Балтики действуют обязательные гендерные экспертизы законопроектов.

Кроме того, на сегодня, на наш взгляд, государству необходимо начать работу по пересмотру имеющейся социальной и семейной политики в рамках реализации гендерного равенства, путем:

- создания для женщин и мужчин благоприятных условий (трудовых льгот) для обеспечения баланса между работой и личной жизнью;
- реализации специальной политики, поддерживающей справедливое распределение семейных обязанностей.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что внедрение новых инструментов возможно и актуально для Казахстана.

Так как, имплементация – это не просто юридическое обязательство.

Это стратегический вектор развития страны, способствующий построению справедливого, прогрессивного и устойчивого общества.

Достижение гендерного равенства укрепляет социальную стабильность, повышает качество человеческого капитала и усиливает международный авторитет Казахстана.

Г.Г. Нубаева

СУД ПРИСЯЖНЫХ В КАЗАХСТАНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Современное осмысление института суда присяжных требует обращения к его философским основаниям. Первоначально он возник как противовес сословному и репрессивному правосудию, как способ «вынесения истины» не профессиональными судьями, а совестью общества. Однако с течением времени этот институт утратил свою универсальность, подвергся институционализации и приобрёл национальные особенности, отражающие правовую культуру конкретного государства.

Казахстан, формируя собственную модель суда присяжных в XXI веке, вступил в диалог с этой мировой традицией. Однако в отличие от стран, где институт присяжных развивался органически, отечественная модель является рецепированной и внедрённой в иное культурно-правовое пространство.

В докладе суд присяжных рассматривается как социально-философский феномен, отражающий исторические и культурные представления о справедливости. Анализируются его эволюция, соответствие международным стандартам и влияние на развитие правовой культуры и судебной системы Казахстана.

XVIII – XIX вв. стал переломным моментом, присяжные перестали быть «совестью общества» и стали процессуальным инструментом проверки доказательств под руководством профессионального судьи.

В международном праве суд присяжных не является обязательным институтом, но признан легитимным инструментом демократизации уголовного судопроизводства.

Институт суда присяжных в Казахстане, введённый в 2007 году, стал результатом стремления государства придать уголовному судопроизводству большую открытость и демократическую легитимацию. Его развитие сопровождалось изменениями подсудности: от первоначального рассмотрения 17 преступлений, за которые была предусмотрена смертная казнь, к расширению в 2010 году на все особо тяжкие преступления, последующему ограничению в 2013 году и новому расширению в 2023 году, охватившему более 40 статей УК; за последние три года с участием присяжных рассмотрено 460 дел в отношении 677 лиц, что подтверждает востребованность данной формы участия граждан в осуществлении правосудия.

При этом, исторически казахстанское общество имело собственную систему общественного правосудия – суд биев, основанный на принципах совести, морали, и личной ответственности перед родом и сообществом. Бии не были присяжными в современном смысле слова, но являлись тем же посредником между правом и справедливостью, выражая «волю народа» через морально-нравственный авторитет.

Если в англосаксонской традиции суд присяжных сформировался как средство ограничения государственной власти – инструмент, позволяющий обществу контролировать судебные решения. В Казахстане же его введение имело противоположную направленность: государство предоставило гражданам право участвовать в отправлении правосудия, исходя из идеи укрепления доверия между обществом и государственными институтами. Однако необходимые социальные и правовые условия для устойчивой работы этой модели пока продолжают складываться.

Гражданин, вовлечённый в процесс, не всегда воспринимает свою роль как исполнение публичной миссии. Нередко он оказывается внутри сложной процедурной системы, где решение формируется под влиянием эмоциональных факторов, социального давления или непроцессуального взаимодействия, что подтверждается практикой: за три года присяжными оправдано 47 лиц, при этом 34 оправдательных вердикта были отменены вышестоящими судами, а отдельные дела выявили нарушения – от неформального обсуждения вердикта до конфликта интересов и несоответствия требованиям к присяжным, повлёкших роспуск коллегий и возобновление процессов.

В результате изначальная идея института – соединить правовые требования с моральным измерением и усилить человеческое присутствие в суде – постепенно утрачивает свою определённую трансформируясь в риск упрощённого подхода к правосудию, при котором решения всё чаще опираются на эмоциональное восприятие, чем на рациональный анализ; дополнительным фактором становится высокая стоимость функционирования суда присяжных, достигающая при среднем показателе около 250 дел в год значительных бюджетных расходов, что усиливает ответственность за качество принимаемых вердиктов. Если обратиться к философии права, суд присяжных – это не столько институт, сколько эксперимент человеческого доверия к самому себе. И именно здесь проявляется ключевая особенность казахстанской модели: общество, находящееся в процессе формирования единых правовых ориентиров, доверяет решение судьбы человека тем, чьё правовое мышление также продолжает развиваться.

Поэтому задача, стоящая перед современной казахстанской юриспруденцией, заключается не в пересмотре самого принципа участия присяжных, а в стремлении придать этому институту более глубокое и осмысленное содержание – сделать его не формальным заимствованием, а частью собственного понимания справедливости.

Возможно, путь заключается не в простом следовании внешним образцам, а в поиске гармонии – в аккуратном соединении исторического опыта, моральной ответственности и современных процессуальных гарантий.

Лишь в этом случае суд присяжных сможет восприниматься как естественный и значимый элемент национальной правовой системы.

На этом фоне обновление смысла суда присяжных становится лишь одним из аспектов более широких преобразований. Ведь параллельно меняется и сама природа судопроизводства.

Современный этап развития правосудия характеризуется глубокой трансформацией эпистемологических оснований доказывания.

Технологическая революция – цифровые видеозаписи, трасологические и биологические экспертизы, криминалистическая геномика, автоматизированные базы данных, нейросетевой анализ поведения и речевых паттернов – все это создало новую форму доказательства, максимально объективированную и алгоритмическую по своей природе.

Сегодня следствие, располагая цифровыми следами, биометрическими отпечатками, временными метками и видеонаблюдением, способно воспроизводить почти полную модель события преступления.

В этом контексте традиционный суд присяжных, изначально задуманный как инструмент оценки доказательств с позиции здравого смысла, оказывается в принципиально иной реальности:

человеческое чувство заменяется машинной точностью, а «убеждение» – статистической достоверностью.

Классическая философия правосудия строилась на том, что истина рождается в состязании – в споре разума и совести, в присутствии человеческого взгляда. Суд присяжных воплощал этот принцип: вердикт был актом совести, а не функции.

Однако в XXI веке происходит смещение – от убеждения к вычислению, от интерпретации к алгоритму.

И в этой новой структуре суд присяжных теряет своё ключевое предназначение – быть «глазами и голосом общества» в суде.

Если истина может быть доказана видеозаписью, биологическим следом или цифровым логом, возникает закономерный вопрос:

нужен ли ещё человек для её подтверждения?

И если нужен – то в какой роли: как судья совести или как формальный участник, утверждающий решение машины?

Мы не должны забывать, что суд присяжных, как форма правосудия, не только юридический, но и психологический институт. Его суть – в человеческом восприятии личности подсудимого, в способности увидеть за преступлением человека.

Но именно здесь возникает коллизия с современной концепцией доказательства.

Искусственный интеллект, нейроанализ, криминалистическая визуализация – всё это исключает случайность и субъективность, минимизирует человеческую ошибку.

А присяжный, напротив, эту ошибку несёт как часть своей природы: он может пожалеть, испугаться, поверить в слёзы, поддаться интонации защиты.

То, что было достоинством гуманистического правосудия XIX века, в XXI веке становится угрозой справедливости.

Когда суд опирается преимущественно на объективные данные, а не на эмоциональное восприятие, роль чувства в принятии решений неизбежно переосмысливается. В таком контексте эмоционально окрашенные вердикты

уже не воспринимаются как проявление гуманизма, а могут стать фактором непредсказуемости.

Казахстанская практика показывает, что присяжные порой склонны отдавать предпочтение личным впечатлениям – сочувствию, социальным связям, переживанию за семью подсудимого – даже когда объективная доказательная база указывает в ином направлении.

В условиях стремительного развития цифрового доказывания такие решения становятся особенно уязвимыми, поскольку вступают в противоречие с принципом рационально выстроенного, фактологически обоснованного правосудия.

Таким образом, развитие технологий не отменяет смысла суда присяжных, но требует его переосмысления.

В век искусственного интеллекта, где истина воспроизводится машиной, а доказательства не нуждаются в интерпретации, присяжный становится символом морального сопротивления технократии.

Он напоминает, что право – не только система алгоритмов, но и пространство человеческого выбора, а справедливость не всегда совпадает с математической точностью.

Следовательно, обсуждая будущее суда присяжных в Казахстане, важно ставить вопрос не в категориях «сохранения или изменения», а в том, как найти взвешенный баланс между разумом и человеческим измерением в правосудии.

И пока государство стремится к цифровому правосудию, именно институт присяжных может сохранить ту последнюю форму человеческого присутствия, без которой правосудие превращается в управляемый процесс, но перестает быть моральным актом.

И в заключении: Институт суда присяжных, возникший как символ народного участия в правосудии, претерпел сложную эволюцию – от древней формы общественного суждения до современного процессуального механизма, находящегося на грани между человеческим чувством и технологическим разумом.

Его история – это не просто история права, а история доверия: доверия общества к себе, человека к закону, государства к гражданину.

Казахстан, воспринявший этот институт как часть глобального правового опыта, оказался перед особой задачей — соединить чужую форму с собственной правовой культурой.

Попытка встроить суд присяжных в отечественную систему правосудия обнаружила не только организационные и методологические трудности, но и глубинное философское противоречие:

как совместить индивидуальную совесть с объективной истиной, сострадание – с законом, традицию – с рациональностью?

Современные технологии, искусственный интеллект, цифровые формы доказывания изменили само представление об истине и справедливости, сделав доказательство почти безупречным, но одновременно – безличным.

И именно на этом фоне суд присяжных сохраняет свою уникальную, пусть противоречивую, функцию: напоминать, что право принадлежит человеку, а не машине.

Институт присяжных сегодня – не только правовая форма, но и метафора человеческого присутствия в правосудии.

Он уязвим, несовершенен, затрачен и подчас противоречив, но пока существует он, сохраняется сама возможность воспринимать суд не как процедуру, а как акт человеческого выбора.

Возможно, Казахстану предстоит переосмыслить эту модель, адаптировать её под реалии своего правосознания и технологической эпохи.

Но какой бы путь ни был избран – важно помнить, что правосудие не сводится к механизму, а справедливость не исчерпывается доказательством.

Пока в суде звучит голос человека, в нём жива надежда на истину.

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Председателя Высшего Судебного Совета Республики Казахстан Д.М. МАЛАХОВА	3
Л.С. ЖАКАЕВА ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	5
Ш.Ё. АБДУКОДИРОВ ПОДГОТОВКА СУДЕБНЫХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН	10
К.К. МУСИН, Т.С. НҰРЫШЕВА ЖОҒАРЫ СОТ КЕҢЕСТЕРІНІҢ ШЕШІМДЕРІ НЕГІЗІНДЕ СУДЬЯЛАРДЫ ТАҒАЙЫНДАУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕСІ (<i>ЖАҚЫН ЖӘНЕ АЛЫС ШЕТЕЛДЕРДІҢ МЫСАЛЫНДА</i>)	13
А.И. ОДЖАГВЕРДИЕВ ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ	36
Д.Х. НАЙМАНОВА СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ: КОМПЕТЕНТНОСТНО – ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ В КАЗАХСТАНЕ	41
А.О. ХАМИДОВ, Б.Ж. ГИЁСОВ ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (на примере опыта Правоохранительной академии Республики Узбекистан)	45
Н.С. ДЖУРАЕВ ЦИФРОВОЙ СУД И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ИННОВАЦИИ И РИСКИ	53
Ч.А. МУСАБЕКОВА ДОСТУП К ОБРАЗОВАНИЮ И ПОЛУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ И СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ	60

М.Ч. КОГАМОВ ОБВИНЕНИЕ, ЗАЩИТА ОТ ОБВИНЕНИЯ, РАЗРЕШЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА	68
Р. ДЖАФАРОВА КОНСТИТУЦИЯ КАК ГАРАНТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ИНТЕГРАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	71
Г.А. БИДИЛЬДАЕВА О МЕСТЕ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	77
Е.О. ЕГЕМБЕРДИЕВ ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО: РИСКИ ДЕГУМАНИЗАЦИИ И УТРАТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО КОНТЕКСТА	84
С.М. САПАРАЛИЕВА ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ КОНВЕНЦИИ ООН О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН (CEDAW) В НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	91
Г.Г. НУБАЕВА СУД ПРИСЯЖНЫХ В КАЗАХСТАНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ	96
СПИСОК АВТОРОВ	103

АВТОРЛАР ТІЗІМІ / СПИСОК АВТОРОВ

АБДУКОДИРОВ Шерзод Ёкубжонович – д.ю.н., доцент, ректор Академии правосудия Республики Узбекистан.

БИДИЛЬДАЕВА Гулипа Атабековна – д.ю.н., профессор Юридической академии при Генеральной прокуратуре Кыргызской Республики.

ГИЁСОВ Билолбек Жумазода – начальник отдела информационно-коммуникационных технологий и обеспечения информационной безопасности Правоохранительной академии Республики Узбекистан.

ДЖАФАРОВА Рейхан Фахрат кызы – PhD, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Академии юстиции Министерства юстиции Азербайджанской Республики.

ЕГЕМБЕРДИЕВ Ержан Ошакбаевич – к.ю.н., директор Научно-образовательного центра гражданско-правовых дисциплин Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан.

ЖАКАЕВА Лейла Султановна – д.ю.н., профессор Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан.

ЖУРАЕВ Нодиржон Савриддинович – декан магистратуры Академии правосудия Республики Узбекистан.

КОГАМОВ Марат Чекишевич – доктор юридических наук, профессор, академик АЕН РК, почетный академик НАН РК, почетный юрист РК, заслуженный работник МВД РК (Астана, MNU).

МУСАБЕКОВА Чынара Абдыбакасовна – к.ю.н, преподаватель Высшей школы правосудия при Верховном суде Кыргызской Республики.

МУСИН КАНАТ КАЛКАМАНОВИЧ - к.ю.н., профессор Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан.

НАЙМАНОВА Динара Хамитовна – профессор кафедры прокурорского надзора Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

НУБАЕВА Гульмира Галымовна – к.ю.н., старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

НҰРЫШЕВА ТОЛҚЫН СЕРІКҚАЛТҚЫЗЫ - к.ю.н., директор Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан.

ОДЖАГВЕРДИЕВ Амир Ильхам оглы – начальник отдела стратегического планирования и выявления рисков Научно-образовательного Центра Генеральной Прокуратуры Азербайджанской Республики.

САПАРАЛИЕВА Сауле Мамырбековна – к.ю.н., директор Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

ХАМИДОВ Азизбек Олимжонович – PhD, доцент, начальник отдела организационного контроля и оценки эффективности деятельности Правоохранительной академии Республики Узбекистан.

**Ғылыми басылым
Научное издание**

**«АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ ЖӘНЕ ТИІМДІ СОТ ТӨРЕЛІГІ:
ҰЛТТЫҚ ДӘСТҮРЛЕР МЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАРДЫҢ
ТЕҢГЕРІМІ»**

**Түркі сот-құқықтық даярлық желісі аясындағы Халықаралық форумның
материалдар жинағы
(2025 ж. 10-11 желтоқсан, Астана қ.)**

**«ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЭФФЕКТИВНОЕ ПРАВОСУДИЕ:
БАЛАНС НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
СТАНДАРТОВ»**

**Сборник материалов Международного форума
в рамках Тюркской сети судебно-правовой подготовки
(10-11 декабря 2025 г., г. Астана)**

**Қ.Қ. Мусиннің редакциялық етуімен.
Басуға 2026 жылғы 02 ақпанда қол қойылды.
«Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің жанындағы Сот төрелігі
академиясы» РММ баспасы, 010000, Астана қаласы,
Бейбітшілік көшесі, 46
Электронды басылым**

**Под редакцией К.К. Мусина
Подписано в печать 02 февраля 2026 г.
Издательство РГУ «Академия правосудия при
Вышем Судебном Совете Республики Казахстан»,
010000 г.Астана, ул.Бейбитшилик, 46.
Электронное издание**

ISBN 978-601-08-5857-2

